

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра философии гуманитарных факультетов

В. А. КОНЕВ

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МИРА ЧЕЛОВЕКА**

*Учебное пособие по курсу «Философия»,
раздел «Социальная философия»*

Издательство «Самарский университет»
2003

Рекомендовано Советом кафедр гуманитарных и социальноэкономических дисциплин для студентов гуманитарных факультетов СамГУ

УДК 10(09)

ББК 87.3

К 643

Конев В.А. Онтологические особенности мира человека: Учебное пособие по курсу «Философия», раздел «Социальная философия». Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 72 с

ISBN 5-86465-289-X

В пособии рассматриваются фундаментальные характеристики социокультурного мира, показывающие особенность его бытия по сравнению с миром природы

Предназначено для студентов гуманитарных специальностей, изучающих философию.

УДК 10(09)

ББК 87.3

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия.

Исследовательская работа поддержана РГНФ, грант 03-85015а/у

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. Р.И.Таллер,
канд. филос. наук, доц. В.Л. Лехциер

ISBN 5-86465-289-X

© Конев В.А., 2003

©Изд-во «Самарский университет», 2003

ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Иммануил Кант, указывая на интересы философии, сформулировал в «Критике чистого разума» три вопроса, на которые она ищет ответ: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Впоследствии он скажет, что эти три вопроса, по существу, сводятся к одному – что такое человек? Таким образом, великий философ видит в философии поиск ответа на вопрос, который прямо и непосредственно обращен к миру человека. Оказывается, что смысл философии – дать человеку знание о нем самом. Правда, для Канта, как и для многих философов века Просвещения, человек – это прежде всего *Homo sapiens*, разумный человек, поэтому все поставленные вопросы решаются через выяснение способов работы разума – теоретического или практического. Но уже в XVIII, а еще больше в XIX вв. формируется целый цикл наук о человеке и его мире, и становится ясно, что ответ на вопрос «Что такое человек?» не может быть однозначным. Поэтому, хотя и можно, определяя общее, стратегическое направление интереса социальной философии, сказать, что она должна дать ответ на вопрос «Что есть человек?», но сам этот вопрос (как и его разновидности) может иметь различный смысл, если на него будут искать ответ разные науки о человеке и его жизни.

Обществознание включает множество конкретных наук. Это многообразие порождено различием конкретных ситуаций и событий, в которых человек может оказаться. Экономика и политика, язык и искусство, право и нравы, архитектура и ландшафт, отношение государств и наций, семья и соседи etc., etc., – все это

непосредственно задевает человека, влияет на него и все это не только может стать объектом научного интереса, но и становится предметом интереса различных наук. Тогда мы имеем экономические науки и политологию, юридические науки и этику, архитектуру как науку и ландшафтоведение, которое изучает принципы организации природной среды в пространстве обитания человека, социологию семьи со всеми ее проявлениями, социальную психологию etc., etc. Как в этом многообразии наук о человеческом мире определить место социальной философии, т.е. определить ее собственный предмет исследования, ее ракурс рассмотрения этого мира, а потому и человека?

Для этого посмотрим на обществознание не с точки зрения его объектных оснований, а с точки зрения тех предметов исследования¹, которые формируются в рамках обществознания. В этом случае можно все разнообразие наук о человеческом мире свести, по крайней мере, к двум универсальным предметам рассмотрения этого мира. Первый ракурс анализа социального мира представляет его как мир действия и жизни типичных, повторяющихся, общих, общественных форм организации деятельности человека. В таком случае вся действительность предстает как многообразие общественных (социетальных²) форм жизнедеятельности человека, которые и изучаются собственно социальными науками. Система этих общественных (социе-

¹ Теория познания различает объект и предмет научного исследования: объект исследования – это фрагмент самой реальности, который может быть так или иначе продемонстрирован, а предмет исследования – это ракурс рассмотрения данного объекта, подход к нему, определяемый категориальными средствами данной науки. Например, такой объект, как мед, может быть предметом исследования химии – тогда выделяется его химический состав, может быть предметом исследования физики – тогда анализируются его свойства как тела, может стать предметом исследования социолога – тогда анализируются его функции в системе общественных отношений и т.п.

² В современной отечественной социологии употребляется термин «социетальный», который является калькой от латинского «societas» (английское «society») = общество и обозначает: «имеющий отношение к обществу как социуму, как системе отношений». Термин «социетальный» противопоставляется общепотребительному слову «социальный», широкое значение которого обозначает все, что имеет отношение к обществу как форме совместной жизни людей.

тальных) форм порождает общество как социетальную систему, социум, как единство всех возможных сфер функционирования этих форм. Данный предмет исследования социальной реальности (назовем его О-предмет) абстрагируется от неповторимого, индивидуального, нетипичного начала в человеческой жизни, хотя и может его учитывать как некий привходящий момент.

Но неповторимое и индивидуальное не менее важно и существенно для человеческой жизни, чем типичное и повторяющееся. Более того, современная эпоха и современный человек часто само индивидуальное и неповторимое рассматривают как общественную ценность. Индивидуальное становится общим, общественным достоянием. Вот этот аспект социальной реальности также требует своего изучения. И тогда формируется другой предмет рассмотрения мира человеческой жизни – рассмотрение ее под углом зрения индивидуальности, неповторимости и нетривиальности. Данный предмет исследования социальной реальности (назовем его Л-предмет) абстрагируется от повторяющегося, типичного, социетального в человеческой жизни, стремясь раскрыть собственное лицо любого явления. Таким образом, личность человека, лицо события, которые благодаря своей индивидуальности влияют на общественную жизнь и входят в структуру общественных отношений, выходят на первый план и становятся предметом гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные исследования – это два глобальных подхода к изучению мира человеческой жизни, один из которых можно было назвать социоцентричным, другой – гомоцентричным. Большинство наук из корпуса обществознания работают в О-предмете – социология в различных своих конкретных проявлениях (исключая феноменологическую социологию), экономические, юридические науки и т.д. К гуманитарным могут быть отнесены науки типа наук об искусстве, для которых важно знание о конкретных произведениях, о творчестве определенного художника, об особенностях того или иного направления в искусстве. Конечно, науки иногда

стремятся сочетать эти подходы, но чаще всего такое сочетание оказывается не органичным, а искусственным.

В каком из возможных предметов рассмотрения человеческого мира работает социальная философия? Она выстраивает само данное различие возможных предметов исследования социальной реальности, а потому она не изучает саму социальную действительность, но изучает способы и формы осмысления человеком своего мира. В этом случае социальная философия реализует присущую философии функцию – быть знанием о знании, быть метапредметным, а не предметным знанием³, быть рефлексией познавательной деятельности человека. Но в случае с социальной философией метапредметное знание (знание о том, как человек осмысляет, познает свою жизнь) превращается в предметное, так как сам процесс постижения человеком своей жизни есть момент самой его жизни, и таким образом социальная философия становится наукой о социальной действительности в ряду других наук общественнознания. Но при этом она сохраняет свой философский статус, так как смотрит на социальную действительность не как на данную (вот она есть такая, как есть!), а как на заданную, т.е. такую действительность, которая должна быть увидена благодаря определенному пониманию и действию.

Понимание этого момента очень важно для уяснения предмета социальной философии!

Например, общая социология изучает общество как социальную систему, которая не входит уже ни в какую более общую систему, а сама включает различные подсистемы – различные группы, ассоциации, корпорации, территориальные объединения, институты и т.п. При этом социология принимает понятие общества, социального, как всем ясное, она также считает очевидным и ясным его составные элементы, так как все мы пользуемся такими словами, как группа, фирма, корпора-

³ Предметное знание – знание о конкретных объектах или ситуациях, которое и разрабатывают конкретные науки, метапредметное (мета – по-гречески «за», «после») знание – знание о знании и процессах его становления.

ция, государство, и понимаем, что они означают. Но ведь это понимание откуда-то появилось.

Историк изучает прошлое той или иной страны и определяет предмет своего исследования как познание истории. Для него, как и для каждого из нас, понятие «история» очевидно. Но и это понимание также имеет свои истоки.

Вот выяснением исходных предпосылок как обыденных, так и научных представлений о человеческом мире и занимается социальная философия. Ее работа заключается в обнаружении онтологических представлений о действительности человеческого мира. Особенность же человеческого мира заключается в том, что бытие этого мира есть дело самого человека. Мир человека – творение человека. Поэтому онтология человеческого мира⁴ есть знание о бытии, возникающем благодаря энергии человеческого деяния, есть выяснение оснований данного бытия как свершения, события. Это выяснение есть критический анализ, есть философская критика бытия человека, «дискурс энергий», а не «дискурс сущности»⁵. Поэтому социальная философия есть философская критика оснований человеческого бытия⁶, т.е. критическая онтология. На первый взгляд, это представляется странным – как можно критиковать бытие. Не похоже ли это на приказ персидского царя высечь море за то,

⁴ Напомним, что онтология – философская наука о бытии.

⁵ Понятие «дискурс», ставшее популярным в философии XX века благодаря исследованиям французского философа Мишеля Фуко, означает сложившийся в науке или культуре тип рассуждения или действия. О различении «дискурса сущности» и «дискурса энергии» говорит отечественный философ С.С. Хоружий, отмечая, что в первом случае мысль интересуется тем, что есть нечто в своей сущности, а во втором – тем, как это нечто порождено, какие активные силы его вызвали (См.: Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991).

⁶ Философская критика создается Кантом для анализа оснований деятельности теоретического и практического разума, в процессе критики выявляются архитектоника, строгие деятельности разума и его способность конституировать действительность знания и действительность деятельности. Философская критика не судит о тех или иных книгах, теориях, людях, она судит о возможности самих способностей человека знать, действовать и оценивать. Философскую критику Кант противопоставляет догматическому и скептическому пониманию деятельности разума, которые судят о его деятельности либо исходя из предвзятых посылок, либо не имея для этого твердых оснований

что оно разбило его корабли? Нет, не похоже, так как бытие человека всегда возникает, становится, держится усилиями самого человека, имеет свое оправдание. А именно это и выявляет философская критика.

Таким образом, предметом социальной философии является разработка онтологий (возможных видений) человеческого мира, которые становятся методологическим основанием исследования человеческого бытия. Если социология анализирует существующие социальные системы, строит их типологические модели, если история анализирует ход исторического развития определенных общественных систем, то социальная философия категориально определяет онтологию социального, индивидуального и исторического, которые направляют конкретно-научные исследования.

Социальная философия есть разработка категориального аппарата, способного показать и описать, как возможна действительность человеческого мира, как возможна социальность, историчность, индивидуальность.

§ 2

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР И МИР ПРИРОДНЫЙ

Современная наука знает три мира сущего: мир неорганической природы, мир органической природы (мир жизни) и мир человеческий (социальный мир, или социокультурный мир). Для религиозного сознания существует еще сфера Божественного существования, но этот мир, как говорит сама религия, «не от мира сего». Научное суждение, как показал Кант, не может быть отнесено к религиозному миру, если оно хочет характеризовать его как особый мир.

Каждый существующий мир имеет свои параметры существования: свое время возникновения, свое пространство распространения, своих представителей и т.п.

Мир неорганической природы возникает, согласно данным современной космогонии, в результате «великого взрыва» примерно 15 миллиардов лет тому назад и представляет собой мир вещества и энергии. В обыденном сознании современного человека, впитавшего в себя общие сведения из школьного курса физики и химии, мир неорганической природы предстает, прежде всего, как мир вещества и мир материальных, неодушевленных тел. В наших дальнейших рассуждениях будем исходить из этого обыденного представления, оставляя в стороне особенности микромира, описываемого современной физикой.

Мир органической природы (мир жизни) известен нам в той форме, которая существует на нашей планете, и возникает он примерно 500 миллионов лет тому назад. Мир жизни – мир организмов, т.е. таких особых образований, которые способны к сохранению своей целостности и самовоспроизводству. В процессе жизни организмы создают различные биосистемы, которые обеспечивают возможность функционирования организмов. Вся совокупность биосистем порождает биосферу, без которой уже не мыслима история Земли и ее нынешний облик.

Мир человеческий формируется вместе со становлением человека, которое начинается не менее чем 2 миллиона лет тому назад, когда появляются первые орудия труда, а завершается около 40 тысяч лет назад, когда возникает человек современного вида – *Homo sapiens*, и устанавливается вместе с возникновением родовой организации жизни человека. Конституирующей единицей этого нового мира сущего становится осмысленное действие человека, а его сущностной особенностью выступает смысл. Смысл (значимость) как особое образование пронизывает все области человеческой жизни, придавая ей качественное своеобразие по сравнению с природой.

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ СМЫСЛА

Поскольку смысл принадлежит любому феномену социальной реальности⁷, то нет необходимости его определения, так как, что такое смысл (значимость), ясно для всякого человека на уровне интуиции благодаря принадлежности самого человека социальной реальности. Человек «с самого начала» помещен в смысл. Но в рамках социальной философии важно определить, как представлен смысл в социальных явлениях, как он существует и почему он неотъемлем от социальности как таковой. Для философии важно ответить на вопрос «Как возможно существование смысла?».

Способ существования смысла принципиально отличается от способа бытования вещи или организма. Вещь и организм существуют, наличествуя. Смысл существует через отнесение, отсылку, оповещение. Некое явление *A* имеет смысл тогда, когда оно отсылает к какому-то другому явлению *B*, оповещает о его бытии. То есть смысл не наличествует как *A* или *B*, его нет ни в *A*, ни в *B*, но он есть только в акте отнесения от *A* к *B*. Значит, должна быть сила, свершающая акт отнесения, особая *causa efficiens*, сила действующей причины. Этой силой выступает действие человека, которое и представляет собой отнесение одних предметов и явлений к другим, одних ситуаций к другим. Отнесение не существует вне «положения дел», вне «обстоятельств дела», т.е. вне деятельности человека, вне его активности, вне своеобразной формы сплетения действий человека в один акт деятельности, в определенное событие.

Итак, смысл рождается благодаря деятельности человека, выстраивающей отнесение.

⁷ Выражения «социальная реальность», «социальная действительность», «мир человеческий» будем употреблять как синонимы для обозначения той особой области действительности, которая связана с человеком и порождена им.

Но для социальной философии здесь важен еще один аспект, а именно характер бытия смысла. Если смысл *есть* там, где нечто явное отсылает к другому, это означает, что то, что *здесь есть*, говорит о том, чего *здесь нет*. Явное существо указывает на небытие. Но именно то, чего *здесь нет*, на самом деле и *есть*. Небытие оказывается *действительным бытием*, тогда как то, что дано, как *сущее*, в действительности, *не имеет своего бытия*, оказывается *небытием*, хотя и наличествует. Так, ткань флага *не существует* как ткань, как «материальчик хорошенькой расцветки», здесь дано *бытие* государства, хотя оно здесь и не наличествует как сущее. Если же флаг существует только как ткань, то нет государства. Если краски и холст не исчезают, оповещая о существовании лица, то нет портрета. Если линии на бумаге не исчезают как линии, то не появляются буквы и т.д. Отсюда следует, что появление смысла держится разделением сущего и бытия, которое совершается благодаря отнесению. Сущее всегда *есть*, наличествует, а бытие, о котором оно оповещает, должно возникнуть из *не-есть*, из небытия. Смысл не существует вне сущего, которое его представляет, но он и не сливается полностью с этим сущим, ибо в нем есть нечто «объективное»⁶, есть то бытие, которое отличается от того, что оповещает о нем.

⁶ Этот момент важно подчеркнуть. Говоря об отнесении, или оповещении, мы имеем в виду тот вид отнесения, который характерен именно для человеческого мира. Мы не касаемся вопроса о том, что в мире животных также может встретиться феномен «отнесения», когда животное устанавливает связь между какими-то фрагментами действительности - как собака Павлова устанавливала связь между звонком и едой. Отличие же феномена отнесения, который характерен для человеческого мира, и установлением связи «оповещения» в животном мире как раз и проявляется в том, что для человека смысл существует как нечто объективное, т.е. независимое от выступающих в ситуации отнесенных феноменов. Поэтому один и тот же смысл может быть явлен в ситуациях различных отнесений и поэтому смысл в человеческом мире, в конечном счете, осознается. Особый вопрос - как появляется такой тип отнесений, как формируется человеческий тип отнесений, который приводит к осознанию смысла. Этот вопрос выходит за границы предмета социальной философии, которая имеет дело уже со сформировавшимся миром осмысленных действий человека

Таким образом, отнесение, в котором и благодаря которому смысл существует, есть особое существование, в котором бытие смысла получает свое *есть* через *нет*, через небытие. Небытие – основа, фон, фундамент бытия всякого социального феномена. Но это небытие продуктивное. Продуктивное небытие не тождественно ничто, во-первых, потому что оно *существует* только в конкретной ситуации, т.е. окружено сущим, и, во-вторых, потому что оно только тогда показывает себя, когда свершается *отнесение*. Небытие существует всегда как конкретное, и если бытие открывается в необходимости, которая закономерна, то небытие обнаруживает себя в долженствовании, которое обязательно. Небытие требует своего преодоления утверждением бытия *определенного* сущего и отрицанием *его* небытия в данной ситуации, т.е. в такой ситуации, где обнаружена нехватка этого сущего. Поэтому-то для своего существования смысл и нуждается в *causa efficiens*, силе действующей причины.

Смысл, рождающийся через отнесение в момент появления небытия, требует *держания* своего бытия, ибо небытие, без которого смысл не может существовать, само не способно самостоятельно быть. Парадокс «держания» смысла заключается в том, что бытие смысла требует сохранения небытия. Небытие включено в бытие смысла и, если оно перестает быть, то исчезает и смысл (если линии не «исчезли» как линии, то не появится буква, если буква не «исчезнет» как буква, то не появится звук и т.д. А если линии остались – нет их небытия, то нет букв, а есть просто начертания, непонятный почерк).

Так обнаруживается одна из самых отличительных онтологических черт человеческого мира: бытие этого мира держится в «пространстве» небытия. Это небытие продуктивно, так как оно требует своего замещения бытием. Возникающее в результате этого замещения бытие оказывается бытием «хрупким», неустойчивым, готовым разрушиться. Поэтому любой фрагмент социального бытия исчезает, теряет смысл, если он не «держится» деянием человека. Любое явление человеческого

мира требует заботы, работы человека, которая дает ему существование. Поэтому для человека его мир не безразличен. *Это мир значимого бытия. И человек должен быть подготовлен к осмыслению значения окружающего его бытия и к поддержанию его существования.*

Таким образом, основным элементом социального мира выступает смысл, который существует в форме отнесения, в структуре деятельности, которая одно ставит в отношении к другому. Поэтому социальный мир всегда оказывается миром явления Другого – «нужной» вещи, которой здесь нет; человека, который оказывается средоточием какого-то отличного от меня мира; знаков, требующих проникновения в их содержание и т.д. Все эти формы явления Другого могут обнаружить себя только тогда, когда есть человек, способный своим действием дать Другому актуальное существование. Другой (Другое) существует только в акте, в действии, в действии «извлечения» его из небытия, в действии «привлечения» его к бытию. Поэтому его существование всегда проблемно, оно *должно* быть установлено, что и делает человек, способный это разрешить, способный установить наличие Другого. Способность быть в ситуации осмысленного действия, или ситуации Другого (т.е. выделять его как Другого), и есть субстанциальное начало социального мира.

Такой мир существенно отличается от других сфер бытия.

§ 4

РАЗЛИЧИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА

Разнообразие свойственно каждому миру сущего – неорганической и органической природе, социальному миру. Но возможности разнообразия каждой из этих областей действительности не одинаковы. Несмотря на то, что «размер», или, если так можно выразиться, «объем» этих миров, начиная от неорга-

нического мира к миру органической жизни и к миру человека, уменьшается, но зато возрастает разнообразие этих миров, если рассматривать их в той же последовательности.

Разнообразие неорганической природы, которое включает химические элементы и их соединения, субатомные частицы и космические образования, принципиально ограничено. Это видно на примере бытия химических элементов. «Периодическая система химических элементов» Менделеева не может быть продолжена до бесконечности, граница увеличения числа химических элементов поставлена законом распада: достигнув определенного предела, химические элементы становятся неустойчивыми. Возможности соединения химических элементов также имеют ограничения, на что указывают валентные связи.

Мир живых существ поражает своим разнообразием. В лесу средней полосы скрываются сотни видов живых существ. А во влажном тропическом лесу на двух квадратных километрах ботаники насчитывают до трех тысяч видов растений. Систематики насчитывают девять тысяч видов птиц, три тысячи пятьсот видов млекопитающих, шесть тысяч видов змей, рыб – двадцать тысяч видов, червей – двадцать пять тысяч, а моллюсков уже восемьдесят тысяч видов. Известны миллионы видов насекомых и, вероятно, в три раза больше еще не известны. А растения, грибы, бактерии, вирусы! Но все это разнообразие также имеет границу – эту границу устанавливает борьба видов за существование. Количество видов и численность популяций регулируются количеством доступной пищи. И эта зависимость строго регулирует разнообразие живой природы.

Разнообразие социального мира проявляется в различиях смыслов и осмысленных действий человека. А поскольку смысл возникает в ситуации отнесения, которая существует благодаря отрицанию наличного и явлению неналичного («не это, а иное, здесь не наличествующее»), т.е., говоря языком онтологии, благодаря небытию, то разнообразие смысла принципиально не может быть ограничено, так как небытие границ не

имеет. Смысл возникает как новое, как то, чего еще не было. И это возникновение постоянно возможно. Нельзя даже абстрактно предположить такую ситуацию, что может быть помыслена последняя мысль и больше никаких мыслей человечество не породит. Тогда, когда в науке возникали подобные ситуации (например, в конце XIX века некоторые физики считали, что принципиально нового знания в этой науке уже не появится), это опровергалось развитием самой науки.

Даже если предположить, что человечество не сможет выйти за пределы Земли и вынуждено будет ограничить рост народонаселения, а в связи с этим и рост необходимых для поддержания жизни материальных средств, то сохранится способность к модификации этих средств. Об этом свидетельствует такой простой факт, как постоянная модификация ограниченной номенклатуры одежды человека. Набор предметов одежды практически исчерпан, но способности ее модификации (мода!) неисчерпаемы.

Ситуация отнесения, порождающая смысл, различает то, что наличествует, и то, что должно себя проявить. Это различие, лежащее в основании смысла, становится его онтологической чертой. Каждый смысл обладает своим содержанием, отличен от другого, эта различие смыслов и составляет основание неисчерпаемости разнообразия человеческого мира. Различие, дифференциация, а вместе с тем и процесс установления различия (различание = *différance*, как говорит Ж. Деррида) и дифференциация-дифференциация (Ж. Делез) являются онтологической характеристикой мира человека.

Человек мал с точки зрения космоса, но велик с точки зрения бытия, открывая его новые возможности.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОСОБЕННОСТЬ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Пространство и место являются важнейшими составляющими мира. Это кажется очевидным. Но строение пространства каждого мира сущего своеобразно.

Для мира вещей пространство выступает конститутивным элементом, так как пространство есть форма их бытия. Пространство структурирует вещь, давая возможность ее существованию. Именно поэтому Декарт, характеризуя телесную вещь, называет ее «вещь пространственная», так как вещь можно помыслить без любых ее характеристик, кроме пространственных (формы и положения относительно других тел). Для определения вещи Декарт и вводит математическое понятие прямоугольных координат, получивших название Декартовы координаты. Сама координатная сетка представляет «чистые» характеристики физического пространства, в котором равноценные и равноправные точки и направления служат основанием определения вещи и ее движения. У вещи нет таких характеристик, которые не могли бы найти своего выражения в пространстве.

Для мира организмов в живой природе пространство становится средой обитания, к которой организм приспособливается. Ареал существования вида животных (его экологическая ниша) – это не просто расположение живых существ относительно друг друга и относительно других тел, а место взаимодействия организма с окружением. В ходе этого взаимодействия формируется экосистема, в которой каждый организм и каждый вид живых организмов выполняет определенную функцию и придает стабильность системе. Пространство жизни организуется обменом веществ между организмом и окружением, поэтому оно всегда определено, имеет пределы, границы. Мерой этого пространства выступает не линейка (градиция мер дли-

ны), а способность организма к выживанию в данном пространстве. Если организм находит в данном пространстве условия своей жизни, то данное пространство становится средой его обитания. Поэтому пространство жизни, кроме физических характеристик длины – ширины – высоты (Декартовы координаты), имеет еще характеристику «благорасположения» (обратим внимание на этимологию данного слова – благое *положение*), превращающее его в место, среду.

Пространство человеческого мира усиливает эту характеристику. В социальной действительности пространство не только выступает как благоприятная среда для жизнедеятельности человека, оно наполняется смыслом и становится гетерогенным, неоднородным. В социальном пространстве появляются привилегированные точки и направления. Например, пространство аудитории ориентировано на кафедру лектора и доску, поэтому расположение вещей и людей в данном пространстве определено привилегированным положением этой точки. Тот, кто занимает эту привилегированную точку, распоряжается движением в пространстве аудитории. Пространство города имеет центр и периферию, районы разного значения и т.п. В конце концов, в человеческом пространстве всегда есть различие точек «здесь» и «там», которые имеют разный смысл для действующего человека и организуют его пространство.

Обретение социальным пространством своей определенности связано с локализацией мира значений. Произошедшее в глубокой древности разделение мира на две «среды обитания» – на мир обыденный (*profanum*) и на мир священный (*sacrum*) – отнесло к последнему наиболее значимые ценности человеческой жизни и придало ему статус высшего мира. Мир сакрального – не от мира сего. И это противопоставление заставило человека увидеть строение «сего» мира. Хотя высший мир локализуется за пределами этого мира, но он имеет свое представительство и в этом мире – это жертвенники, это святилища, это захоронения умерших предков и т.п. Для мертвых стали

возводить постройки раньше, чем для живых. Если для живых строились хижины, то для мертвых – выложенные камнем могилы и каменные гробницы, так как мир мертвых – это мир вечности. Не случайно от древних цивилизаций сохранились гробницы и храмы, но не сохранилось «обыденных» построек.

Особенностью социального пространства является наличие в нем глубины, укрытого, внутреннего. Укрытое требует особого отношения – отношения понимания. Когда человек имеет дело с вещами, он устанавливает между ними пространственные отношения, но эти расположения вещей друг относительно друга определяются не вещами (точнее, не только их свойствами), а прежде всего направленностью, целью действия человека. Цель и есть внутреннее основание, смысл пространственных отношений вещей в социальной действительности. Она требует понимания, т.е. актуализации смысла (возможных отнесений) в сознании человека.

Прямо и непосредственно наличие внутреннего в социальном пространстве представлено в архитектонике жилища человека. Дом как жилище есть организованное человеком пространство, в котором четко разделяется внешнее и внутреннее пространство. Внутреннее пространство укрыто от посторонних глаз, допуск в него требует разрешения, находящийся в нем должен понимать его организацию. Дом – хранение смысла, так как именно в его пространстве возникают те связи, которые определяют исходные для человека смыслы. Отсюда начинается путь жизни человека, и здесь закладываются основания распознавания всех других смыслов. Поэтому дом, возникающий как пространственное сооружение, перестает быть чисто архитектурным образованием, превращаясь в способ организации начального социального опыта человека.

§ 5.1. Виды социального пространства

Поскольку пространство конституируется вещами, то и социальное пространство обнаруживает себя через предметные и телесные практики. Различные виды практик организуют различные формы социального пространства.

Производство вещей и вещное обустройство социального мира порождают пространство цивилизации. Цивилизация как особая историческая форма организации общественной жизни проявляет себя в способе упорядочения вещной среды, созданной и используемой человеком, а также в способе вещного оформления общественных отношений людей. Поэтому возникновение городов, т.е. особым образом устроенной вещной среды, и стало знаком возникновения цивилизации (цивилизация от лат. *civitas* – город). Цивилизация аграрная или цивилизация техническая отличаются той предметной средой, которую они создают и в которой протекает общественная жизнь. Конечно, сущность цивилизационного устройства общества не сводится к вещному обустройству его пространства, цивилизация обнаруживает себя в характере и содержании общественной деятельности человека, но в любом случае для всех феноменов цивилизации важно их проявление в материально-структурных особенностях вещно-предметной среды. Именно это дало право О. Шпенглеру, различая культуру и цивилизацию, рассматривать последнюю как окоченевшую культуру, для которой игра форм, стиль, мода, т.е. работа с материалом, становятся более важными, чем идеи. Правда, поскольку для Шпенглера пространство является более низкой формой организации жизни, чем время, то цивилизация, хотя и следует за культурой, есть ее упадок, регресс, а не развитие. В нашем же повседневном сознании закрепилась другая оценка цивилизации, соответствующая ее исходному пониманию. Цивилизация – это всегда создание более благоприятных вещно-предметных условий для деятельности человека (например, более комфортные и благоустроенные жилища, более совершен-

ный транспорт и т.п.). Поэтому и повседневное осознание цивилизации связывает ее с материально-пространственной конфигурацией вещного мира человека.

Телесные практики человека, т.е. его жесты, поступки (движения тела), обращение с телом, расположение человека относительно других людей, порождают собственное социальное (социетальное) пространство. Это пространство общения людей, пространство, в котором разворачивается их конкретное поведение. Поведение всегда выражается в определенных телесных движениях, которые, располагая тело и его части в физическом пространстве, определяют положение человека не относительно каких-то физических точек, а относительно других людей. Подданный склоняется перед государем или становится перед ним на колени, а то и падает ниц, потому что Государь – это «Его Величество», который *выше* всех, хотя, может быть, он как человек совсем маленького роста. Поведение позиционирует человека в социальном пространстве, выражая и придавая ему общественный статус. Общественный статус есть точка социетального пространства, характеризующаяся присущими ей обязанностями и правами. Права и обязанности как притязания человека к обществу и ответы на его требования организуют движение (поведение) индивида в социальной среде, в результате которого конституируются социальные группы. Взаимодействие групп и образует поле социетального пространства, в котором есть высшие и низшие классы, левые, правые и центристские партии и т.п.

Особым видом социального пространства является пространство культуры. Это пространство значений. Оно не выражается непосредственно в каких-либо расположениях материальных предметов, а выражает позиции культурных значений относительно друг друга. Культурное значение получает свою определенность, отличая, отграничивая себя от других значений, поэтому культурное пространство обнаруживает себя в границе. Граница – форма существования культурного про-

странства. Граница разделяет, соединяя, и соединяет, разделяя. Поэтому культурное пространство оказывается пространством различия, или, как отмечал Деррида, пространством различания, т.е. такой сферой, в которой каждое образование получает свое собственное определение через отсылания, через связи, определяющие сходство и отличие данного значения. Например, «Черный квадрат» К. Малевича не может быть понят без помещения его в целую систему ассоциаций, в которой появляются и различные технические конструкции типа башни инженера Эйфеля, вызвавшей взрыв возмущения «своей безобразностью», и социальные катаклизмы начала XX века типа Первой мировой войны, газовых атак, революций, и перевертывание всех устоявшихся представлений о мире, благодаря Эйнштейну и Фрейдю. Только в этих отсыланиях картина Малевича перестает быть просто изображением геометрической фигуры, а становится художественным произведением со своим смыслом.

Дифференцируя значения, пространство культуры конституирует области культурных значений, которые позволяют человеку ориентироваться в культуре и определять свою позицию. Такими областями выступают значения «своего-чужого», «*sacrum-profanum*» («священного-обыденного»), «свободы-зависимости», «исходного-производного». Подобная топика свойственна любой культуре, хотя каждая культура всегда имеет свои конкретные смыслы и свои конкретные произведения. Но, имея дело с определенными значениями и осваивая их, индивид одновременно позиционирует себя (ставит в определенную позицию) по отношению ко всем другим культурным значениям. Реализуя это содержание в своей деятельности, индивид принимает его как «свое» или «чужое», как «священное» или «обыденное», и таким образом входит (обратим внимание на пространственный смысл этого слова) в культуру, находит в ней свое место.

Итак, пространство человеческого мира, располагая человека относительно вещей, людей и значений, придает его позиции смысл, ориентирует его поведение и само изменяет свою топологию под влиянием деятельности человека. Если в физическом пространстве все точки и направления равноправны, а потому сущностно тождественны, то в пространстве человека каждая точка и направление имеют свою особенность, а потому они сущностно различны. Социальное пространство дифференцирует позиции. Но особенность, отличие позиции, различие не дается, не возникает спонтанно, а организуется, возникает благодаря активности того, кто формирует эту позицию. Поэтому социальное пространство как поле дифференциации существует как пространство деятельности, которое, с одной стороны, направляет ее, а с другой – конституируется ею (см. § 8.1).

§ 6

ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА

Время, как и пространство, фундаментальное свойство любого известного нам мира. Время – одна из загадок мира. Средневековый философ Аврелий Августин справедливо заметил, что время – это одновременно самое понятное и самое неясное для человека явление. «Пока меня не спрашивают, что такое время, – говорил Августин, – я знаю, что это такое. Но как только пытаюсь объяснить, что это такое, я не могу сделать этого».

Вещный мир, мир предметов, существует во времени, но время не конституирует сущность вещи. Конечно, любая вещь изменяется со временем – камень разрушается, вода испаряется или замерзает, железо ржавеет, но не этот переход в новые состояния делает камень камнем, воду водой, а железо железом, хотя, конечно, эти изменения вытекают из сущности данных вещей. Поэтому классическая наука эпохи Галилея и Ньютона рассматривала время как абсолютно независимую от вещного

мира форму существования тел, а не как атрибут, свойство какой-либо субстанции. Время было лишь мерой движения. Это была величина измерения, некая абстракция длительности. И даже современная физика, которая показала, что время является неотъемлемой характеристикой движущихся систем, связано с движением, не идет дальше представления времени как показаний часов. Исчезло абсолютное время, но и относительное время осталось счетом моментов, внешних по отношению к самим «вещам».

Для органического мира время перестает быть только счетом моментов длительности существования или движения, оно становится проявлением стремления организма к жизни. Всякий живой организм обладает инстинктом сохранения и продолжения жизни. Время «встроено» в организм как его способность про-длевать (длить) свое существование, когда он ищет пищу, избегает опасности, оставляет потомство. Здесь время перестает быть просто длительностью, оно оказывается определенной жизнью. А жизнь – это такая связь различных элементов, которая позволяет ей сохранять себя, постоянно восполняя теряемые элементы такими же. Обмен и связь веществ, обеспечивающие жизнь, и есть то, что дает длительность, и есть сама реальная длительность жизни, так как именно соединение и разъединение элементов конституируют последовательность состояний. Поэтому время жизни не последовательность различных организму моментов (секунд, часов, лет), а состояние связанности веществ, способных обновляться. Для самого организма его время жизни проявляется в прирожденных (инстинктивных) действиях – поиск пищи, избегание опасности, продление рода. Эти действия имеют начало и конец, поэтому время жизни организма проявляет себя в определенных состояниях, которые сменяют друга, образуя ритм жизни. Время организма – это связь и последовательность состояний бодрствования и сна, голода и сытости, стремления и достижения, рас-

цвета и умирания, которые организм различает и в которых он по-разному действует.

Полностью раскрывается смысл и сущность времени в социальном мире. Время, как справедливо отметил К. Маркс, есть пространство социальной жизни. Любое социальное явление есть объявление времени, оно порождено и живет им. Время конституирует саму социальность как особую реальность, реальность осмысленного действия. Смысл существует в и через отнесение (§ 3), а отнесение обязательно включает в себя два момента – то, что наличествует здесь (некое *A*), и то, что объявляется благодаря отнесению (некое *B*). Этот переход от *A* к *B* (от «ткани к государству = флаг», «от линии к звуку = буква» и т.п.) есть воплощение времени, есть реализация времени, есть объявление самого времени, ибо здесь связывается воедино в настоящем («флаг», «буква») то, что было («ткань», «линии»), которые перестали быть тканью или линиями), и то, что должно быть («государство», «звук», которые *будут* явлены вместо ткани и линий). Поэтому социальный феномен – это феномен времени, явление времяящееся и являющиеся времени, это всегда событие.

§ 6.1. *Время и событие*

Событие – клеточка социальной жизни и истории, ибо любой фрагмент социальной или культурной действительности может быть представлен как событие или как связь событий. Война есть событие в жизни государства, сражение есть событие войны, атака есть событие сражения, а смерть или ранение бойца – событие в жизни его и его окружения и т.д. В конце концов, любая деятельность человека представляет собой событие, входящее в мир со своим содержанием и своим смыслом.

Событие как феномен социального времени включает в себя два взаимосвязанных начала. Во-первых, событие всегда есть свершение, нечто единое и цельное, завершенное в себе образование. Во-вторых, событие есть *со-бытие* различных элементов,

связь и *одновременное* наличие которых и конституирует данное свершение. Событие есть множественность, данная как единство, целостность. Это и делает его феноменом времени: множество различного может быть единством только тогда, когда все его элементы даны сразу, в одном, когда они предполагают друг друга, увязаны друг с другом, когда они одновременны.

Событие не длится, это состояние, *стояние* в определенности, сохранение определенного смысла, который и существует в связях, отнесениях, возникающих между элементами события. Конечно, кажется странно, как это «событие не длится». Разве мы не знаем начало и конец какой-нибудь войны и какого-нибудь сражения? Какого-нибудь происшествия? Знаем. Но событие превращается в процесс, имеющий начало и конец, событие становится длительностью, когда оно разлагается на свои элементы, когда оно предстает как явление или совокупность явлений. Здесь мы встречаемся с реальным основанием кантовского различения *всци-в-себе* и явления. Событие, которое мы переживаем, и есть вещь-в-себе, мы участвуем в нем, оно есть для нас, мы переживаем его реальность, его смысл, его влияние на жизнь, на другие события, и для нас не важно, сколько и как оно длится. А знание о событии превращает его в явления нашей жизни. Но это знание не раскроет всего смысла события. Например, случилась какая-то беда в семье (болезнь кого-то, пожар, смерть и т.п.). Это событие для семьи и каждого ее члена значимо само по себе как нечто цельное и нерасчлененное. Оно обрушивается сразу и целиком. И только потом, когда мы начинаем осмыслять это событие, мы обнаруживаем его проявления, его начало, протекание, следствия и т.п. Здесь выстраивается последовательность, здесь становится время как длительность, и вместо события появляется процесс. Реальная же жизнь человека и общества складывается именно из значимых и цельных событий. Поэтому римский писатель Плиний Старший (23 – 79 гг.) писал: «Не считать надо дни, а взвешивать».

§ 6.2. Ипостаси времени

Время обнаруживает себя в человеческом мире как событие. Событие свершается благодаря деятельности людей, которые своими действиями организуют те взаимосвязи и взаимоотношения элементов, эффектом которых и становится событие. Порождая событие, деятельность человека придает определенность времени и выделяет его ипостаси. Бытие свершаемого события открывает время как настоящее время. Настоящее не есть мгновение, постоянно возникающее и тут же исчезающее в прошлом, точка, бегущая по стреле времени, как нередко представляют настоящее. Настоящее есть то время, которое подлинно есть. Это время, неразрывно связанное с бытием, которое есть и есть всегда в настоящем. Настоящее длится, пока бытие сохраняет свою определенность. Для социальной действительности настоящее время – это время совершения деятельности, время движения деятельности человека от цели к результату. Пока не достигнута цель, не получен результат, длится настоящее, сохраняется актуальное (*акт* – действие) настоящее, стоит настоящее. Поэтому человек может быть связан с разными настоящими: *сейчас* лекция, она длится, пока не будет достигнута определенная цель, а не пока прозвенит звонок; *сейчас* я студент, и это длится много дольше, чем лекция, и т.д. Сейчас страна переживает определенную эпоху (эпохэ – по др.-гречески, остановка, воздержание), так как решаются какие-то определенные для общества проблемы, когда они будут решены, наступит другая эпоха, другое настоящее.

Гермин «настоящее время» в русском языке имеет два смысла: настоящее – означает «сейчас», «теперь», и настоящее – значит «подлинное», «действительное». Чуткость языка к социальным смыслам (а это не случайно, так как именно язык в конечном итоге и выражает смыслы, рождаемые в действиях отнесения) схватывает сущность настоящего времени, которое и является подлинным временем, так как только оно реально есть и так как только в нем что-то действительно происходит.

Настоящее есть, а прошлого и будущего нет. Одного уже нет, а другого еще нет. Но «нет» того и другого все-таки существует как ипостаси времени? Прошлое и будущее существуют только благодаря настоящему и в связи с настоящим. Прошлое предстает как следы прошедшего бытия в настоящем, а будущее – как цели, желания, устремления, как эхо настоящего. Эта связь прошедшего и будущего бытия, которая организуется деятельностью, и есть связь времени, есть то, что оказывается настоящим временем в том и другом смысле этого термина.

§ 6.3. *Время и ценность*

Выделение в ходе деятельности разных состояний времени (актуального, прошлого и будущего) становится основанием оценки смыслов, наличествующих в социальной реальности. Если смысл, как мы говорили, порождается отнесением, то ценностная значимость смысла порождается состоянием времени, она оказывается его объективацией. В простейшем случае это видно на примере такой ценности, как стоимость товара, которая выражается в его цене. Как показала классическая политэкономия, стоимость товара производна от количества общественно необходимого труда, затраченного на его производство.

Всякая деятельность обращается к трем типам ресурсов – к ресурсам, хранящимся в мемориалах, к ресурсам, представленным в идеалах, и к ресурсам, данным в капиталах. Мемориал открывает для деятельности прошлое – традиции, образцы, сложившиеся формы организации и т.д. Ценность используемых ресурсов мемориала определяется вложенным в них опытом прошлых поколений и успешностью прошлых действий. Есть общества, для которых именно сфера мемориала становится главным основанием деятельности, например, древние общества, получившие название традиционных обществ, или некоторые восточные общества. Идеал открывает для деятельности будущее – это проекты общественных преобразований,

различные утопии и т.д. Ценность идеалов определяется открывающейся перспективой будущего, которое сменяет настоящее, но само должно остаться несменяемым. Общества, ориентирующиеся на идеалы, это общества революционного типа, для которых настоящее только трамплин к будущему. В такого типа обществах настоящее всегда не устроено, и все помыслы его членов устремлены в будущее. Капитал открывает для деятельности настоящее – это материальные, духовные и человеческие ресурсы, которые находятся в распоряжении субъекта деятельности. Здесь термин «капитал» употребляется не в политэкономическом смысле, а для обозначения всех тех оснований деятельности, которыми деятель может самостоятельно распоряжаться, интерпретируя и применяя их по своему усмотрению. Ресурсы мемориала или идеалы могут становиться капиталом, когда они переходят в пользование деятеля, подчиняясь его устремлениям и интересам. Общества, основывающие свою деятельность на «капиталах», ориентированы на настоящее и на прагматические цели. Такие общества успешно развиваются, если настоящее рассматривается как время решения возникающих проблем жизни (типичным обществом подобного типа было общество на ранних стадиях развития США), но такие общества могут оказаться и обществом упадка и загнивания, если день текущий превращается в «пир во время чумы», а не в решение стоящих проблем (таким, например, оказалось общество поздней Римской империи). Конечно, представленное различие видов деятельности по их ресурсам является теоретической моделью, так как в реальной действительности человек всегда в своей деятельности пользуется всеми видами средств, что и делает реальную деятельность человека носителем времени, местом связывания времен, где настоящее реально взаимодействует с прошедшим и будущим.

Именно эта способность деятельности – порождать настоящее время как единство времён (а с этим связана цельность события) становится основанием открытия еще одной ипостаси

времени — вечности. Обычно вечность противопоставляется времени либо на том основании, что она несоизмерима со временем своей бесконечной длительностью, либо на том, что в ней ничего не происходит или всё уже произошло. В первом случае вечность определяется количественно. Весьма показательна в этом плане одна из восточных притч, определяющих вечность. Мудрец говорит: «Представьте себе железную гору, на которую раз в сто лет садится маленькая птичка и чиркает своим носиком по верхушке горы. И вот тогда, когда птичка сточит всю гору до основания, пройдет одно мгновение вечности!» Такое представление о вечности есть абстракция самой идеи времени как длительности, есть доведение идеи длениа до ее предела. Во втором случае вечность определяется качественно, здесь важно сущностное отличие вечности от времени, которое указывает на ее главную особенность — вечность не различает, а время различает, для вечности все безразлично или, наоборот, одинаково значимо, а для времени есть отличие состояний. Образ вечности формируется в мифологической картине мира, затем получает развитие в религиозной картине, для которой вечность есть достояние высшего мира и которое обладает для человека абсолютной ценностью, ибо дает ему бессмертие.

В ценности вечности отразилось понимание огромной значимости времени для человека и его жизни времени. «*Nihil pretiosius tempore*» («Нет ничего более ценного, чем время»), — так выразил эту мысль средневековый монах св. Бернарда (XI в.). Время — ценность. Но какое время? То, которое дает человеку возможность достичь его целей, то, которое дает человеку возможность полной реализации его бытия. Это *пора* достижений, расцвета, удач, побед. Такое время обладает достоинством *стояния*, пребывания. Такое время и становится прообразом вечности — в нем дано человеку все в этом одном состоянии «теперь», в нем раскрывается для него смысл и ценность его жизни, смысл и ценность всего бытия. Греки называли это время

кайрос – момент, когда человек точно попал в самую суть ситуации, в самую суть дела, когда он смог реализовать все свои способности и желания. Кайрос – это такое состояние, от которого, как говорят, «не убавить, не прибавить», это пора полноты деяния. Гетевский Фауст жаждал мгновения, которому он мог бы сказать: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!». На этом основании он заключил сделку с Мефистофелем, который должен был найти ему такой момент наслаждения. Но, как известно, только тогда, когда Фауст сам стал трудиться, когда он сам стал создавать ситуации своей жизни, он понял, в чем суть прекрасного мгновения:

*Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.*

Но тогда нет смысла говорить какому-то особому мгновению «Остановись! Повремени!», так как эти ситуации счастья стали теперь его достижениями. Обратим внимание на самую заключительную часть предшествующей фразы: «Эти ситуации стали достижениями». «Ситуации стали достижениями» – они появились, их не было, они порождены действиями, мы видим здесь движение времени. «Стали теперь» – здесь «теперь» говорит о настоящем, таком настоящем времени, которое постоянно сохраняется как возможность возобновления. Вот она остановка мгновения: «Теперь это будет всегда!». Язык, как всегда, решает загадки бытия: настоящее *будет всегда*. Вечность есть способность человека постоянно открывать, создавать, держать настоящее. Он ее хозяин и распорядитель, так как хозяин и распорядитель настоящего.

Таким образом, время в человеческой действительности выступает прежде всего как состояние деятельности, как период сохранения данного состояния. Поэтому социальное время всегда интервал, отрезок, период, это – периоды социальной жизни (степень развития, стадия, эпоха), отрезки индивидуальной жизни

(детство, отрочество, юность, зрелость, старость), состояния культурной жизни (эпоха классицизма, романтизма, модерна и т.п.). Всякое состояние имеет свои границы, поэтому социальное время не поток, не абстрактная длительность, а время начала и конца, рождения и смерти, посева и жатвы, праздников и будней, постановки цели и получения результата. Ритм, организуемый сменой состояний, началами и окончаниями, становится мерой социального времени, вырастает в календарь.

Первые календари, возникающие в истории, отражали последовательность аграрной деятельности человека. Постепенно за основу измерения времени стали брать чередование небесных явлений. Поскольку небо было местом сакрального мира, оно же становится и местом времени, местом определения начала и окончания действий человека. Так еще раз для человека подтверждался ценностный характер времени. Для возникших солнечных и лунных календарей восход и движение солнца, луны, планет не были простыми метками отрезков времени, они говорили о благоприятных или неблагоприятных периодах в жизни человека, о содержании и правилах организации этой жизни.

Человек индустриального и постиндустриального общества, считающий время с помощью механических или электронных часов, потерял представление о времени как о содержательном времени, как о времени того или иного состояния дела, тела и души. Оно стало для него движением стрелок или мельканием электронной точки, оно постоянно утекает, его катастрофически не хватает, за ним невозможно угнаться. Время жизни человека уподобилось куску шагреновой кожи, которая, как у героя Бальзаковского романа, может только убывать, сокращаться с каждым человеческим желанием. Жизнь *ad libitum* (лат. – по желанию), по типу Фауста первой части поэмы Гете или по типу героя Бальзака, не дает возможность «войти» во время, овладеть им. Чтобы подчинить себе время, а не подчиняться ему, нужно вновь, как древний человек, но с учетом всех достижений цивилизации, научиться ценить настоящее. А это, как

уже отмечалось, означает умение полностью отдаться тому делу, которое здесь и сейчас ты сам совершаешь. Конечно, не безразлично содержание этого дела и его значение для человека и сообщества, но в любом случае осмысление своего дела в его отношениях со всем открывает человеку время состояния как пору жизни.

Время есть способ соединения различного в единое при сохранении различия, это есть единство различного и единство в различии. В жизни человека достигается это его продуктивной деятельностью, с наибольшим эффектом – в творческой деятельности. Вот почему мы знаем время Платона и Декарта, время Пушкина и Достоевского, время Ньютона и Эйнштейна.

§ 7

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МИРЕ

Единичность (сингулярность) является реальным основанием любого мира – в неорганической и органической природе это тела и организмы, в социальном мире – это конкретные люди, их действия, артефакты культуры. Еще Аристотель называл единичную вещь первой сущностью и действительной реальностью. Но роль и значение единичности для бытия каждого из рассматриваемых нами миров различны.

Для неорганической природы, как нам открывает ее современная наука, сингулярность безразлична. Бытие природы – это бытие не отдельного предмета, отдельного материального тела, а бытие класса данного типа образований. В составе молекулы воды два атома водорода и один атом кислорода, и здесь важны именно эти химические элементы, а не тот или иной конкретный атом водорода или кислорода. Тело органическое включает в себя атомы, которые постоянно заменяются, но от этого оно не перестает быть данным телом. Поэтому наука, изучая при-

роду, фиксирует законы жизни классов, типов природных явлений, а не проявление бытия данной вещи, данного явления неорганического мира. Конечно, наука может интересоваться и интересуется сингулярностью, когда эта единичность особо значима для жизни человека, например, развитием планеты Земля, строением и развитием солнечной системы, самого Солнца и т.п. Но и в этом случае особенности данных сингулярностей рассматриваются и изучаются на фоне законов жизни класса явлений – планет, звезд, планетных систем и т.п.

Для бытия органической природы становится важна и значима сингулярность. Здесь появляется не просто отдельный организм, а особь, индивид, т.е. самостоятельно действующее образование. Индивид имеет определенную автономию, хотя у разных видов живых организмов эта автономия проявляется по-разному и имеет различную степень проявления, но она всегда характеризуется активностью данного организма, которая обеспечивает его существование. Значимость индивида в органическом мире определяется тем, что он продолжатель рода. В его генах хранится вся информация о роде, в этом он равен роду. Именно здесь основание его автономности, но здесь же и корни его подчиненности роду (классу). Отдельный организм не самодостаточен, его жизнь принадлежит не ему, а роду. Поэтому в природе мы видим гибель отдельных организмов, когда они дают потомство: многие растения и насекомые гибнут, как только они дадут семена или заложат основания для жизни потомства, животные защищают своих детенышей, часто преодолевая инстинкт самосохранения т.п. Инстинкт продления жизни рода, вероятно, самый действенный инстинкт в животном мире, которому подчинено все поведение особи и который проявляет себя в естественной для поведения данного рода ситуации. Тогда, когда эта система поведения нарушается, например, животные оказываются в зоопарке, этот инстинкт часто перестает действовать.

В человеческом мире роль и значение сингулярности кардинально меняются. Каждое проявление социальной действи-

тельности – это событие, которое обладает определенной завершенностью и самостоятельностью. Событие всегда такая конкретность, которая не может, во-первых, в точности повториться еще раз, поэтому оно единственно и неповторимо, а, во-вторых, оно не может заполнить всю действительность социального мира, не может быть единственным, одним единственным событием. В этой противоречивости события – оно единственно, но не одно – скрывается одно из сущностных противоречий человеческого мира. Здесь каждое явление, скажем сильно, уникально и самостоятельно, но в то же время оно не самодостаточно и требует рядом с собой сосуществования других таких же уникальных и самостоятельных явлений. Человеческий мир бытийствует как сосуществование сингулярных образований, это мир со-бытия, со-единения единичностей, со-отношения сингулярностей, мир со-общества. Логика событийности социальной действительности с неизбежностью приводит к осмыслению целостности и единства события как особой ценности, получившей постепенно в культуре статус уникальности и индивидуальности. Индивидуальность выражается в своеобразии явления человеческого мира, его завершенности и целостности, наконец, его неповторимости и уникальности.

§ 7.1. Продукты и произведения в человеческом мире

По тому, как проявляется индивидуальность предметности в социальной действительности, в ней выделяются разные сферы, которые можно условно назвать сферой функционирования продуктов, с одной стороны, и сферой жизни произведений, с другой. Сфера существования продуктов – это производство и социальное движение таких социальных сингулярностей, для которых значима их вещная (телесная) форма. Примером такого рода продуктов могут быть продукты питания или любые продукты, ориентированные на материальное потребление (орудия производства, средства транспорта, дома, утварь, одежда и т.п.). Сфера существования произведений – это произ-

водство и социальное движение таких социальных сингулярностей, для которых значимо их содержание и которые ориентированы на духовное потребление.

В области продуктов единичность социальной вещи предстает как ее изолированность от других вещей и нацеленность на удовлетворение определенной потребности человека или общества. Индивидуальность вещи материального потребления выражается ее конструктивной особенностью, стилевым оформлением, помещающим вещь в определенное историческое пространство, и конкретностью той потребности, которая определяет бытие данной вещи. Важно подчеркнуть, что бытие продукта определяет именно потребление, а не производство, которое в этом случае производно от установки потребления. Если производство создает вещь, не нужную потреблению, эта вещь теряет качество продукта, перестает быть продуктом. Акт потребления удостоверяет бытие данной социальной вещи продуктом уничтожения, соединением продукта с потребностью. Поэтому наличное существование продукта, его онтическое существование⁹, должно постоянно воспроизводиться, что обеспечивает производство, поэтому область существования продукта предполагает его тираж. Каждый продукт индивидуален по потреблению, но множественен по производству. Индивидуальность и уникальность продукта, открывающиеся в момент потребления, не отрицают его повторяемости и тиражирования. Наоборот, предполагают, так как акт потребления ведет к уничтожению данного экземпляра продукта (хлеб съедается, дом разрушается, ткань изнашивается, автомобиль разваливается и т.п.). Но о том, что тиражируемый продукт, несмотря на

⁹ Различие онтического и онтологического вводится в философии М. Хайдеггера в связи с разделением сущего и бытия, онтический план характеризует существование конкретного сущего, а онтологический план существования указывает на бытие сущего, т.е. на то, что дает возможность данному сущему быть и быть таким, какое оно есть. Например, конкретное дерево (береза, дуб, сосна и т.д.) есть сущее, а его бытие здесь и сейчас таким, а не иным, есть вся совокупность тех условий, которые дают возможность этому сущему быть здесь и сейчас этим сущим.

тираж, обладает индивидуальностью и свойственной ей неповторимостью, свидетельствует то, что любой продукт может стать экспонатом (в музее, на выставке или в другом месте), а экспонат есть форма демонстрации единственности. Экспонат продукта демонстрирует потребление, но не входит в потребление и не разрушается им – музейный стул не место для сидения, а демонстрация этого места.

В области произведений роль и значение индивидуальности в человеческом мире открываются непосредственно. Если область продуктов – пространство повторения, где единственность и индивидуальность скрыты, и ее обнаружение требует особой ситуации, то пространство произведений – это подлинное пространство неповторимости и индивидуальности. Жизнь произведений – это жизнь культуры. Каждое произведение несет в себе неповторимый смысл, выражающий какие-то значимые для человека ситуации действия, поведения. Культура не принимает повторений: не может быть в культуре двух таблиц умножения, двух романов «Евгений Онегин», двух дифференциальных исчислений и т.д. Даже если появляется что-то похожее на уже существующее, культура отмечает это как не подлинное произведение, а подражание и эпигонство. Оригинальность, непохожесть, нетривиальность характеризуют индивидуальность произведения. Наиболее яркими примерами произведений человеческого мира выступают произведения искусства (недаром слово произведение закреплено для обозначения результатов деятельности художников) и любые результаты творческой деятельности человека. Но с онтологической точки зрения произведением выступает любой смысл, любое значение, которое продуцируется человеком и держится только благодаря его деянию.

Бытие произведения есть его производство, создание, (про)изведение из этой ситуации. Оно выведено из ситуации, оно – вывод из данной ситуации как следствие и вывод как выход за (выводит за) ее пределы, отказ от данной ситуации. По-

этому произведение и не может быть повторением ситуации, т.е. уже наличного сущего. Оно всегда отлично от наличного, но и связано с ним этим своим отличием. Поскольку произведение всегда оригинально, оно не может быть тиражировано (репродуцирование произведения в копиях создает тираж копий, а не оригинала), а, следовательно, «потребление» произведения культуры не может его уничтожить, как оно уничтожает продукт. Но в таком случае потребление произведения культуры приобретает особые характеристики. Акт потребления произведения культуры становится подтверждением и воспроизведением оригинальности произведения, т.е. он становится формой продуктивного акта. Действительно, восприятие («потребление») художественного произведения является творческим актом, так как зритель (читатель, слушатель) не только воспроизводит в своем восприятии произведение, но и создает свою интерпретацию его, которая дает новую жизненную силу произведению. Акт потребления произведения культуры не только не уничтожает его, а, наоборот, продлевает его существование. То произведение, которое никто не потребляет (роман не читается, музыкальная пьеса не слушается, идея не находит последователей и т.д.), перестает жить в культуре и умирает, забывается. И это касается не только «потребления» привычных для нашего понимания произведений, но и любого культурного значения: оно есть тогда, когда кто-то его воспроизводит своей деятельностью, когда кто-то «держит» этот смысл. Нет значения и смысла вне продуктивного акта. Теперь можно сказать, что и продукт приобретает свою оригинальность при таком потреблении, которое продуцируется (производится) потребностью.

Потребность – это характеристика действующего человека, его восприятия и отношения к миру. Исходные потребности человека определены его биологической ориентацией в мире, но эти потребности уже давно перестали быть основой человеческой жизнедеятельности. Потребность в пище не

сводится к утолению голода, а реализуется в разнообразии кулинарных вкусов. Потребность в защите от холода или жары не сводится к созданию необходимого температурного режима, а реализуется в разнообразии одежды и жилищ. Культивирование потребностей человека на базе исходных жизненных потребностей составляет основу исторического и личностного развития человека. Номенклатурное разнообразие предметов питания или одежды (хотя все они удовлетворяют одни и те же базовые потребности человека) свидетельствует о разнообразии индивидуальных вкусов и одновременно создает условия для формирования этих вкусов у членов сообщества. Вот почему стандартизация потребления, чем бы она ни была вызвана – бедностью общества или навязчивой рекламой массового потребления, – всегда ограничивает развитие индивидуальности.

Таким образом, индивидуальность как характеристика различных социальных вещей, процессов, событий производна от человека и его деятельности. Именно он прежде всего является носителем этой характеристики, именно на уровне человека индивид перерастает в индивидуальность, так как действие человека становится не только действием рода в индивиде, но приобретает характер самостоятельности, относительной завершенности и замкнутости на самого деятеля. Для человека становятся значимыми и ценными неповторимость, оригинальность, цельность и самодостаточность действия и вещи, что и присуще индивидуальности.

§ 7.2. *Индивидуальность человека и мир человека*

Исходным основанием индивидуальности человека является его способность осознавать (рефлектировать) свое восприятие, осмысление и действие в окружающей действительности. Понимание, что никто, кроме него, не может увидеть его глазами, его ушами услышать, а его руками что-то сделать, что никто не может за него помыслить его мысль, что никто не может заме-

нить его в смерти, открывает человеку его исключительное положение в мире. Конечно, индивидуальность человека не сводится только к способностям индивида самому и по-своему реагировать на мир, а является сложной характеристикой его личностного бытия, в которой выражаются завершенность и определенность личности. «Я» личности есть сосредоточие всех ее особенностей, и одновременно «Я» вводит человека в отношение с «Ты», «Он», «Мы», «Они», т.е., в конце концов, с другими «Я». «Я» – местоимение первого лица единственного числа несет в себе содержание множественности «Я», семантически предполагает эту множественность. И эта связь исключительной единичности с множественностью, выраженная на языковом уровне, отражает реальную диалектику индивидуальности как социального феномена – неповторимость индивидуальности не отрицает ее повторения как индивидуальности. Индивидуальность личности является результатом освоения индивидом богатства общественного опыта, и в то же время она возникает только благодаря личным усилиям и личному опыту. Индивидуальность возникает в точке пересечения множества связей и отношений, в которых был и остается задействован индивид в процессе своей жизни в социальной действительности. Поэтому индивидуальность есть сгусток всеобщности, воплощенный в «Я». Это дало основание средневековым философам назвать человека микрокосмом, который по сложности и структуре подобен макрокосмосу. И когда христианская религия говорит о том, что человек сотворен по подобию Бога, в этом также отражается та же мысль – всеобщее (Бог) и человек тождественны.

Человек как личность неповторим и незаменим, это уникальное событие в социальном мире, и как уникальное событие он «выбивается» из общего (общественного) порядка. Индивидуальность не может быть поставлена в какой-либо ряд (выстроенный ряд = порядок) именно потому, что она не похожа ни на что другое, отлична от всего. Тогда возникает проблема

упорядочения мира индивидуальностей. История показывает, что значение и общественный вес индивидуальности в жизни сообщества на разных этапах его развития были различны – для первобытного общества индивидуальность человека или вещи малозначима, а в современном обществе она выходит на первый план. Но поскольку индивидуальность в том или ином виде всегда свойственна человеческому миру, то, хотя порядок общества держался и в значительной степени еще держится на стандартах, все равно существует необходимость удержания неповторимого в рамках повторяющегося.

Социальная действительность порождает особый способ упорядочения уникальных образований, им выступает отношение всякой возникающей в этой действительности уникальности к идеалу. Личности в своей индивидуальности не сравнимы между собой именно потому, что каждая личность самодостаточна и не может быть подведена под какой-либо стандарт. Но формирование человека как личности идет под знаком стремления к какому-то идеалу, и эта устремленность каждого человека к идеалу создает поле как для единства самой личности, так и для соотношения ее с другими индивидуальностями. Идеал становится средством упорядочения индивидуального начала социальной действительности потому, что в его конструкции сочетаются, с одной стороны, свойства единичности – идеал всегда предполагает ситуацию интеллектуального созерцания, а с другой – свойства всеобщности, он есть направляющая идея. Пределом идеала выступает Абсолют, который может быть только один, но это такая единичность, под знаком которого существует множественность. Абсолют (как и идеал) создает динамическое единство, т.е. такой порядок, который каждый раз утверждается действием человека, стремящегося к реализации своей личностной неповторимости.

Таким образом, присутствие идеи Абсолюта в любой культуре (хотя он может пониматься совершенно по-разному) демонстрирует ценность единичного начала в бы-

тии человеческого мира. Идея Абсолюта¹⁰ воплощает в себе смысл сингулярности, единичности как таковой, т.к. Абсолют есть сама единичность, единица, одно, для существования которого ничего более не нужно, но это такая единица, которая является началом всего, всякой множественности, кроющейся в этой единичности. И всякое конкретное действие человека, утверждая бытие социального мира, подтверждает, что именно это¹¹ здесь-и-сейчас совершающееся событие, это единичное есть начало человеческого мира.

§ 8

ОТНОШЕНИЕ СУЩЕГО К УСЛОВИЯМ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Мир природы и мир социальный выстраиваются из отношений конкретных сингулярностей между собой. Эти отношения могут либо поддерживать порядок данного мира, т.е. его устойчивость и воспроизводимость, либо разрушать его, порождая хаос. Уже древние (мифы и философия античного мира) противопоставляли хаос и космос как два исключаящих друг друга

¹⁰ Эту идею подробно в философии разрабатывает древнегреческий философ Плотин (204 – 270 гг.), основатель неоплатонизма. В отличие от Платона, который понимал подлинное бытие как организованное множество идей, Плотин началом бытия признает Единое. Единое есть абсолютная полнота в себе, есть все в одном, оно содержит в себе все определения, поэтому не может раскрыться ни в какой конкретной характеристике или способности, кроме способности эманировать, порождать из себя определенное бытие. Из Единого как из бесконечного источника истекают Ум, Душа, Идеи и, наконец, Материя, в которой творческая сила Единого замирает и реализуется во множестве вещей и явлений мира. Неоплатонизм получает большое распространение в III-IV веках н.э. в то же самое время, когда на просторах Римской империи начинает распространяться христианство. Соперничество последней античной теории с новой религиозной идеей по поводу понимания Абсолюта было выражением столкновения двух культур – старой, в которой Абсолют все решал в судьбе конкретного человека, и новой, в которой личность, «внутренний человек», по выражению апостола Павла, по любви (по свободе) сливался с Абсолютом.

¹¹ Средневековый философ Иоанн Дунс Скот для обозначения единичности «этого здесь-и-сейчас» наличного сущего ввел термин «этость», на латыни «haecceitas»: «Haecceitas est singularis» – «Этость есть единичность».

состояния мира. Хаос – это беспорядок, дисгармония, это отсутствие всякой определенности и возможности предвидения, это состояние, которое не имеет своих позитивных характеристик, а поэтому оно негативно и требует преодоления. Космос – это порядок и гармония, здесь все определено, предсказуемо, здесь каждое явление имеет свое место и предназначение. Порядок космоса, по представлениям древних, определен судьбой, которая является окончательным первопринципом и всего божественного, и всего вещественного, и всего человеческого. Эта судьба всегда тождественна сама с собой, а потому реализуется независимо от ситуации, независимо от каких-либо условий. Если Эдипу было суждено убить своего отца и жениться на своей матери, то, что бы ни предпринимал Эдип, чтобы избежать судьбы, она все равно исполнится.

По-иному на порядок космоса стала смотреть наука нового времени. Теперь место того или иного явления в природе определялось не предназначением, а законами природы, которые указывают на его отношения и связи с другими явлениями, с условиями его существования. Закон ситуации диктует порядок вещей. «Если А, то В», – такой становится формула природного порядка: если тело погружено в жидкость, то на него всегда будет действовать выталкивающая сила, равная весу объема жидкости, вытесненного данным телом; если на тело не действует никакая сила, то оно всегда находится либо в покое, либо равномерно движется и т.д. Законы природы, как их сформулировала классическая наука, – это законы условий, которые с необходимостью вызывают определенные следствия. Они не знают исключений, ибо, если при наличии данных условий не происходит необходимого следствия, это означает, что закон перестал действовать, т.е. перестал быть законом¹².

¹² Классическая наука (наука Галилея-Ньютона) знала только динамические законы, которые однозначно указывали на связь тех или иных явлений и процес-

В сфере органического мира индивид также локализован в определенных условиях, но его движение (действие) в этих условиях определяется уже не только их воздействием на данное органическое тело, но и внутренними процессами, протекающими в данном теле. Поэтому в одних и тех же природных условиях разные организмы действуют по-разному. Порядок органического мира определяется взаимодействием организмов и среды, и законы этого мира, описывая это взаимодействие, в то же время фиксируют, что основанием этого взаимодействия является внутренне присущая организму интенция на определенную реакцию. Конечно, формула органического порядка внешне похожа на формулу порядка вещного мира «Если А, то В»: если так устроен организм, то его действия будут такими. Но в этом случае антецедент¹³ указывает не на внешние условия, в которых находится органическое тело, а на внутренние («условия»), т.е. на само органическое тело, которое тождественно этим условиям, т.е. своему строению. Консеквент же указывает как раз на внешнюю среду, которая оказывается полем проявления строения органического тела через взаимодействие организма и среды. Генетическая мутация, вызывающая изменение в организме, конечно, возникает под влиянием внешних усло-

сов с условиями. Для классической науки космос не знал хаоса. Если наука сталкивалась в природе с явлениями, которые она не могла однозначно описать, то это объяснялось еще недостаточностью знаний в науке. Физика XX века обнаружила мир явлений, где действуют не динамические, а статистические закономерности, которые не дают возможность предсказать действие конкретного явления при любом уровне знаний, а фиксируют только вероятность того или иного события. Неклассическая наука обнаружила и наличие хаоса в природе, более того, она стала говорить о законах хаоса, так как порядок и беспорядок стали рассматриваться как неотъемлемые составные части любого эволюционного процесса. Но и для неклассической науки законы природы остаются законами условий, т.е. законами, описывающими объективные ситуации появления тех или иных событий.

¹³ Условное высказывание «Если А, то В», образующееся из двух предложений (А и В), указывает на логическую операцию, которая в логике носит название импликация. Первое предложение (посылка, основание условного высказывания) называется антецедентом, а второе предложение (следствие, заключение) – консеквентом.

вий, но не эти условия становятся основанием порядка живой природы, а, как показал Дарвин, закон естественного отбора, способность организма к выживанию, т.е. такое взаимодействие организма, имеющего генетические изменения, со средой, в котором он закрепляет свою организацию. Таким образом, на уровне живой природы сингулярность (отдельный индивид или отдельная мутация) становится основанием возникновения определенного порядка, т.е. мира своего существования (экологической ниши), который выстраивается в результате взаимодействия организма и среды. Сама же сингулярность органического мира есть событие, которое хотя и опирается на какие-то внешние факторы при своем появлении, но не порождается ими. Организм зарождается в определенных условиях, но благодаря стечению обстоятельств, а не этим условиям. Это существенно отличает характер отношения отдельного сущего и его окружения в живой природе от подобных связей в неживой природе.

В социальной действительности отношение единичного начала (конкретного действия индивида, личности, какого-то события и т.п.) и его окружения приобретает свои особенности, а в связи с этим рождается и своя специфика порождения порядка, своя специфика законосообразности человеческого мира.

Естественно, что отношение между человеком и условиями его существования опосредовано деятельностью сознания. Поскольку сознание человека изначально амбивалентно: оно, с одной стороны, является отражением действительности, поэтому его содержание не суверенно, зависимо от внешнего мира, но, с другой, оно способно на порождение такого содержания, которое не имеет эквивалентов во внешнем мире, оно воображает, фантазирует, помнит, постольку и в отношениях человека с условиями его жизни и деятельности проявляется та же двой-

ственность. Человек не только подчинен действительности, но и производит ее. Сознание не только берет из мира, но и дает ему новые состояния. Сознание актуализирует смысл, вводя его в деятельность человека, и актуализирует его двойко (вводит в акт, в действие). Во-первых, сознание делает действующими те смыслы, т.е. те отсылки (§ 3), которые уже установлены в культуре и обществе. Во-вторых, сознание устанавливает новые отсылки, которые закрепляются в действиях людей, и тем самым формируются новые смыслы.

Но, несмотря на свою амбивалентность в отношении с окружающим миром, все-таки главной особенностью сознания человека, а вместе с тем и самого человека, является его способность сказать «Нет» как внешним требованиям мира, так и внутренним требованиям организма. Способность к отрицанию – это конститутивная черта человека. Поэтому на уровне человеческого мира закрепляется абсолютно новый принцип бытия единичного начала, которое свое бытие находит не благодаря данным условиям, а вопреки им¹⁴. Индивидуальность, наиболее полно выражающая сингулярность человеческого мира, потому и является индивидуальностью, что она не похожа ни на что в своем окружении, отличается своим лицом от всего в своем окружении, отделяется от всего. Принцип бытия индивидуальности – не отождествление с условиями, с окружением, с Другим, а отделение от условий, окружения и Другого. Этот принцип реализуют Дантовы координаты, представляющие пространство, отличное от пространства Декартовых координат.

¹⁴ Строго говоря, возникшая в XX веке синергетика показала, что и в мире природы есть события, которые не могут быть выведены из наличных условий, но все-таки их появление поддается вероятностному описанию. «Несводимые вероятностные представления [понятие, которое вводит И.Пригожин и его сотрудники. – В.К.] оперируют возможностью событий, но сводят реальное индивидуальное событие к выводимому, предсказуемому следствию». См.: Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994. С.262.

§ 8.1. Дантовы координаты

Характеризуя материальное тело, Декарт назвал его вещью протяженной, так как без пространственной характеристики тело не может быть помыслено, не может быть без нее определено. Для выражения этой универсальной онтологической характеристики вещи Декарт как математик вводит понятие прямоугольных координат, которые представляют пространственность как таковую и задают операцию определения вещи и ее движения. Система координат Декарта стала не только основанием аналитической геометрии, дающей возможность представлять движение в образе кривых и соответствующих им алгебраических выражениях, но и определила благодаря своим философско-онтологическим основаниям принцип теоретического объяснения мира вообще. Главное в Декартовой системе координат – отнесение точки к значениям ординат и благодаря этому отождествлению обретение ею своей определенности (своего «лица»). Пространство Декартовых координат – это пространство отождествления, уравнивания познаваемого с заданным полем значений. Декартовы координаты предопределили характер научного познания природных явлений на многие века. Но объективированный в Декартовых координатах тип рациональности охватил не только познание вещей, но и познание мира человека. Наука эпохи Просвещения утверждала, что среда формирует характер человека, что человек произведен от общества. Из этого принципа исходит марксистская концепция человека: «Сущность человека в своей действительности есть совокупность всех общественных отношений». Даже категорический императив Канта помещает человека в пространство картезианского типа, так как подчиняет свободу человека долгу. Не изменяют Декартову принципу различные социологические теории личности, которые сводят человека либо к группам, с которыми он связан, либо к системе социальных ролей, которые он исполняет. Но если человек сводится к усло-

виям своего существования и действия, он теряет свою индивидуальность.

Индивидуальность формируется в особом пространстве – пространстве Дантовых координат. Дантово пространство – это пространство души, описанию которого посвящена знаменитая «Божественная комедия». Место души – Эмпирей, куда она устремляется легко и свободно при условии, если она очищена от груза грехов. Поэтому способ ее поведения в «нетленной геометрии» пространства духовной жизни – спасение. А ради этого душа должна отказаться от ... – круги Ада показывают, от чего она должна отказаться. Она должна покаяться и очистить себя от ... – уступы Чистилища показывают, в чем она должна покаяться и от чего она должна воздержаться. Даже в небесах Рая, где все равно блаженны, есть иерархия небес и потому даже здесь душа должна стремиться от меньшего блаженства к большему. Принцип архитектоники «нетленной геометрии» – уйти, чтобы прийти, отказаться, чтобы получить, воздержаться, чтобы насладиться, наконец, спуститься (в Ад), чтобы подняться (в Рай, к вечному свету).

Символически этот принцип геометрии души Данте разворачивает в пространственную ситуацию в Первой песне «Ада»:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...*

Так начинает Данте свою «Божественную комедию». И здесь, пытаясь пройти через дикий лес, дремучий и грозный всякими бедами, стремясь к вершине, где светит «путеводная планета», герой встречает три препятствия: рысь, льва и волчицу.

*И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.
Она, кружа, мне преграждала высь
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышляя спастись ...*

*... навстречу вышел лев с поднятой гривой
Он наступал как будто на меня,
...И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
... Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взором,
Что я утратил чаяние высот.*

(Ад, 1, 31-36, 45-54)

Произведение Данте это грандиозный символический образ человеческого мира. Сумрачный лес аллегорически изображает заблуждения человеческой души, холм – восхождение к правде, звери – символы человеческих пороков: рысь олицетворяет иллюзорность земных радостей, сладострастие, обман; лев – гордость, силу, власть; волчица – алчность и себялюбие. Три зверя представляют собою злые силы, препятствующие восхождению человека к совершенству. Ложь, насилие, алчность (сладострастие, гордость, стяжательство) – это то, чего человек должен избежать, если он хочет быть нравственным, если он хочет стать человеком, если он хочет определить себя как достойную личность.

Ложь, насилие, алчность – это ценностные координаты, по которым определяется человек. Но это координаты особые, не те, которые даны Декартом, где точка (тело) определяет себя в отождествлении с ординатами, находя в них свое отражение. Это координаты различАния, а не отождествления, координаты преодоления, а не притяжения. Находясь в пространстве подобных ценностных координат, человек в той мере определяет себя как нравственный человек (культурный человек), в какой он отталкивается от них, в какой он отрицает их значение и тем спасает свое нравственное лицо, себя как человека. В эпизоде у Данте это выражено буквально – человек спасается от растерзания дикими зверями.

В представленных эпизоде Данте нравственно-ценностных координатах каждая из ординат выражает негативное содержание. Для определения в них важна не степень (мера) развитости

того или иного качества, с которым может быть связан человек – столько-то ему принадлежит по шкале лжи, столько-то по шкале алчности и т.п. (как действуют в поле Декартовых координат), а важно абсолютное отрицание самой ценности, самого значения этой координаты. Как свежесть, по замечанию Воюнда, может иметь только одну степень, которая будет и первой, и последней, так и ценность может быть человеком либо принята, либо отвергнута, ибо добродетелью, как и невинностью, либо обладают, либо нет. Поэтому Дантовы координаты – это координаты отрицания, которые задают апофатическое (др.-греч. *apofasis* – отрицание) пространство. Человек обретает свою определенность (нравственную, культурную, личностную) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ (это действие совершается даже тогда, когда Дантовы координаты представлены положительным содержанием ценностей, так как человек приходит к принятию и положительных ценностей через проверку их сомнением). Место человека в апофатическом пространстве – в фокусе, где сходятся значения его отрицаний. Этот фокус и становится утвержденным бытием человека.

Если Декартовы координаты есть до всякого тела (точки) и до всякого движения, то Дантовы координаты конституируются движением, действием, которое и придает им определенность. Апофатическое пространство требует активности человека, его усилия, метафизически первой и простейшей формой которого выступает воздержание, остановка, ограничение (см. § 3, где речь шла о том, что небытие требует долженствования, активного преодоления себя). Принцип Дантовых координат выявляет бытийную основу личностного существования. Метафизической основой бытия личности является отрицание условий. Поэтому если вещь определяется по формуле «Если А, то В», где «В» само вытекает из условий, то человек определяется по формуле «Если не А, то...», где «то...» должно быть найдено самим человеком и не может явиться без него.

Человек живет в мире рождающегося бытия, он сам является таким рождающимся бытием, а потому он трансцендентен «внешнему» предданному бытию. Быть трансцендентным миру – значит отделять его от себя, находить свое бытие через отталкивание и отрицание, действуя по принципу Дантовых координат.

§ 8.2. Законы условий в человеческом бытии

Характер отношения сингулярности к своему окружению порождает способ вхождения ее в бытие и тип порядка в данной действительности. Порядок обнаруживает себя в присущих действительности закономерностях.

В природном мире действуют законы условий, т.е. уже существующие связи и отношения между явлениями определяют порядок «вхождения» какой-либо сингулярности в этот мир. В неорганическом мире все места, связи и отношения уже определены, сингулярности «остаётся» только занять свое место: закон всемирного тяготения, сформулированный Ньютоном, определяет место и характер связи тел, вступающих в отношения, поэтому новому спутнику Земли, запущенному людьми, остаётся только занять это расчетное место, если он его не займет, он не будет существовать. В органическом мире также действуют законы условий, нарушение которых ведет к гибели организмом. Конечно, здесь, как было сказано в § 8, определенную роль играет случай, который ведет к мутациям организмов и появлению новых ситуаций. Но и случай (мутация) должен включиться в сложившиеся отношения, иначе мутация не будет иметь продолжения.

Человеческому миру, как и миру природному, свойственен порядок, следовательно, повторяемость. Как это возможно, если, во-первых, основу данного мира составляют явления, тяготеющие к индивидуальности, а не к повторению, и, во-вторых, если любое состояние человеческого мира каждый раз возникает из небытия (§ 3)? Что обеспечивает воспроизводство порядка

социального мира? На чем держится его упорядоченность? Есть ли здесь какая-то закономерность?

Эти или подобные им вопросы возникают уже на самых ранних этапах жизни культуры. Более того, сама культура становится ответом на подобного рода вопросы. Культура и возникает для того, чтобы обеспечить воспроизводство деятельности человека, а тем самым всего, что она утверждает в жизни человека. Но культура и объясняет, почему необходимо именно такое сохранение порядка. Так, мифология внушала человеку необходимость повторения, указывая на священный образец и приучая его к ритуалу. Ритуальность начальных стадий истории (а также и первых лет жизни человека) становится формой закрепления жизненного порядка. Основанием принятия человеком и сообществом самой ритуальности выступает, вероятно, с одной стороны, присущая человеку, как и всякому живому существу, память в форме импринтинга и рефлекс подражания, а с другой, ограниченность образцов для воспроизводства поведения. Затем эта ограниченность, уже закрепленная ритуальностью, воспроизводится мифологической культурой, рассматривается и оценивается ею как *должное*.

Когда на смену мифологическому регулированию жизни приходит установленный государством закон, то культура развивает новые способы его оправдания – таковы требования Бога, такова истина бытия, таковы интересы человека и т.д. И человек *должен* следовать им. Но есть ли основания порядка в самой деятельности человека?

Деятельность человека независимо от ее содержания включает в себя ряд элементов: цели, средства, предметы, на которые она направлена, акты, совершаемые человеком, и результаты. В так понятой деятельности можно выделить два уровня, определяющих ее совершение: уровень цели и актов, с одной стороны, и уровень средств и предметов, с другой. Первый уровень определяется субъектом действия, второй – от него не зависит и представляет объективные условия деятельности.

Детерминация деятельности условиями ее совершения служит основанием существования в социальной действительности объективных, т.е. от деятеля и его желаний независимых закономерностей. К объективным условиям деятельности относятся уровень развития и наличие материальных средств деятельности (например, орудий деятельности, ресурсов и т.п.), наличие и характер организационных средств деятельности (институций, организаций, которые позволяют выполнять деятельность), уровень развития знаний, накопленный опыт, необходимый для производства деятельности. Связи и соотношения, устанавливаемые в системе объективных условий деятельности, позволяют либо не позволяют реализовать данный вид деятельности и дают либо не дают возможность получить нужный результат. Поэтому можно установить корреляцию между наличием объективных условий и возможным результатом или направлением деятельности. Эти корреляции вычисляют различные социальные науки, изучающие возможные результаты конкретных видов деятельности человека и общества при тех или иных условиях. Например, корреляции между различными материальными ресурсами, необходимыми для той или иной экономической деятельности, устанавливает экономическая наука, а необходимые соотношения действий каких-либо социальных институтов и групп для успеха той или иной политической акции выявляют политология или социология и т.п. Законы условий указывают, как влияет социальная среда на действия людей, становление определенных общественных явлений, способы и характер реакции определенных общественных сил.

Это объективные законы функционирования социальных систем и они подобны законам природы, так как действуют только тогда, когда наличествует данная общественная система с ее элементами и структурой. Отличие социальных законов условий деятельности от природных закономерностей проявляется в том, что реализуются они только благодаря действиям человека и всегда указывают на тенденцию и вероятность появ-

ления того или иного общественного события. Цели и акты, которые продуцируются субъектом деятельности и находятся, строго говоря, в его власти, подчиняются условиям, в которых деятельность совершается. Субъект со своими способностями становится средством, орудием реализации функций общественной системы.

Социальные законы условий действуют во всех сферах человеческой жизни, но особенно значимы они в тех сферах, деятельность в которых напрямую зависит от наличия или отсутствия материальных вещей. Это относится прежде всего к деятельности производства условий материального существования человека, к тому, что обычно называют материальным производством.

Ход и организация производства зависят от того, какими орудиями и средствами производства оно располагает, от уровня подготовки работников, от того, что и в каких количествах оно должно производить. Поэтому порядок общественного производства, процесс его функционирования, тенденции его изменения могут быть предсказаны с достаточной вероятностью. Это обусловлено тем, что среда материальных предметов является наиболее устойчивой, а потому хранит в себе возможность той деятельности, которая в ней объективирована: в форме орудий и средств труда сохраняется содержание трудовой деятельности (молотком нельзя пилить, а пилой нельзя заколачивать гвозди), система орудий и средств труда сохраняет в своих связях последовательность трудовых операций, а тем самым сложившееся разделение труда и т.д. Поскольку, в конечном счете, любая деятельность человека требует каких-то предметных оснований, то сфера материального производства оказывается значимой для всей жизнедеятельности человека, что дало основание для рождения концепции экономического детерминизма в социальной философии. Экономический детерминизм видит основание порядка общественной жизни в материальных условиях человеческого существования, где действуют объективные, от человека независимые закономерности общественного функционирования

и развития. Рациональность *homo oeconomicus* (человека экономического), который существует в мире продуктов и строит свою деятельность на основе капитала, т.е. на базе наличного здесь-и-сейчас достояния деятельности, дает возможность рассчитывать и создавать определенные ситуации, а тем самым и определять поведение людей в этих ситуациях.

К социальным законам условий следует отнести также и детерминацию деятельности со стороны форм ее организации. Формами деятельности выступают сложившиеся в сообществе отношения между людьми, которые закрепляются традицией, правилами действия, в конечном счете, представлениями о должном поведении, коллективными верованиями, как говорил Дюркгейм¹⁵, или фоновыми ожиданиями¹⁶. Традиции и коллективные верования (установки) объективны и принудительны, они велят и запрещают, и этот способ детерминации, хотя и отличается от детерминации, которая вынуждает (например, законы рынка вынуждают продавца и покупателя действовать определенным образом, даже если они не хотят этого), а не принуждает, является действенным способом упорядочения человеческого мира. Закон традиции и закон установки действуют в любом сообществе, но особенно значимы они на ранних этапах истории общества и в сфере повседневной жизни людей. Эти законы говорят о форме регуляции взаимоотношений, но не о конкретном содержании этих отношений, которое в каждом конкретном сообществе свое. Форма же регуляции, т.е.

¹⁵ Э. Дюркгейм (1858-1917) – французский социолог, один из основателей социологии как особой науки о человеке, исходил из положения, что общество – это реальность особого рода, которая не сводима ни к психологическим, ни к индивидуальным аспектам человеческого существования. Общество стоит над индивидами, определяя их поведение общими представлениями и верованиями, которые как социальные факты обладают внешним существованием по отношению к индивидам и принудительной силой по отношению к ним.

¹⁶ Понятие «фоновые ожидания», или обыденные типы представлений, вводится в феноменологической социологии, основателем которой был А. Шюц (1899-1959), для обозначения не осознаваемых и не подвергавшихся рефлексии самими деятелями ожиданий относительно того, как должно идти нормальное взаимодействие того или иного типа

действие закона (закон действует тогда, когда соблюдается определенная форма), предполагает, во-первых, что есть внешняя по отношению к индивиду сила воздействия, и, во-вторых, что индивид должен признать её как необходимую для себя. Поэтому от индивида теперь требуется не умение распоряжаться вещами (производить, потреблять, использовать, расставлять и т.д.), а умение жить с другими, принимать их ожидания и верования. Из *homo aegropotamicus* он превращается в *homo credens* (человека верующего).

Законы, установки и традиции выступают законами социальности, так сказать, дважды, так как без них нет сообщества, и так как они есть требования самого сообщества. Здесь мы встречаемся с одной из главных особенностей закономерностей, действующих в социальной действительности – социальная закономерность становится объективным основанием порядка человеческого мира, если сам человек это основание конституирует. Закон, порядок в человеческом мире не предшествует этому миру, не является чем-то внешним по отношению к миру человеческих действий и от них независимым (как считали, например, греки, принимая судьбу), но он и не является произвольным, волюнтаристским (как считали, например, сторонники общественного договора). Он закон возникающего бытия. А возникающее бытие требует действия человека. Действие же человека так устроено, что оно изначально (философия говорит априори) допускает случившимся то, что еще не случилось¹⁷. Поскольку любое явление социального бытия имеет

¹⁷ М. Хайдеггер в «Бытии и времени» для характеристики подобного феномена вводит понятие «априористический перфект» (или онтологический перфект, трансцендентальный перфект) (см. Хайдеггер М. Бытие и время. Глава 3, § 18 «Имение-дела и значимость; мирность мира» / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad marginem, 1997. С. 85, 441).

В гл. 3 § 18, носящем название «Имение-дела и значимость; мирность мира», посвященном выяснению проблемы понимания мира и его объективности, Хайдеггер анализирует структуру бытия «подручного», т.е. того, с чем имеет дело *Das Sein* (в переводе В.В. Бибихина – Присутствие), когда оно озабочено миром. Бытие подручного, указывает философ, имеет структуру отсылания. Это значит, что оно как сущее без чего-то не может быть. С ним всегда в чем-то дело, поэтому характер бытия подручного есть *имение-дела* (С.84). Подручное всегда есть целов

структуру отсылания, т.е. всегда представляет собой какие-то *обстоятельства дела*, цепь отсыланий, то действия человека априори (заранее, до своего свершения) предполагают (исходит

обстоятельства, целое *имення-дела*, это его *онтологическое* определение, а не онтическое высказывание о нем. Именья-дела – это целая цепь отсыланий, в которые включено подручное: *то-с-чем* имеют дело, *к-чему* пригодно, *для-чего* применяют и т.д. Так, целостность *имення-дела* конституирует, например, подручное мастерской, усадьбы, квартиры и т.п. Структура *имення-дела* ведет к Присутствию как своей основе. Присутствие по своему бытию присуще "допущение быть". Присутствие априорно допускает *имення-дела* как условие встречи подручного. Хайдеггер называет это условие "априористическим перфектом" (или онтологическим перфектом, трансцендентальным перфектом), всегда-уже-допущенность-имення-дела. Априористический перфект характеризует образ бытия самого Присутствия. Присутствие не может быть, если оно такого априори не имеет, т.е. заранее не предполагает случившимся то, что еще не случилось. Присутствие так устроено, что оно знает мир через подручное, а эта подручность в нем, в Присутствии, есть как априори *имення-дела*: беря *любое* сущее, Присутствие уже берет его как подручное – опережающее выдает его как элемент мира.

Априорное допущение *имення-дела* есть до всякого конкретного раскрытого *имення-дела*. И это до есть условие раскрытия бытийной возможности *неприсутствия*-внеразмерного сущего (С.85), т.е. сущее внутри мира раскрывается (узнается) через механизм "допущения-имення-дела", или через априористический перфект, через включение в целое обстоятельство. Но само целое обстоятельство, т.е. "имення-дела", не есть сущее и не может быть раскрыто через этот механизм, оно должно быть *разомкнуто*. Это значит, что Присутствие должно *понимать* свое бытие-в-мире, *понимать* мир. «Опережающее размыкание того, на что затем происходит отпусkanie внутримирного встречного, – пишет Хайдеггер, – есть не что иное, как понимание мира, к которому Присутствие как сущее всегда уже относится» (С.86).

Это понимание мира выражается в способности Присутствия из своего "могу", ради которого оно само есть, отсылать от "ради-чего" к "с-тем-чтобы", от него к "для-этого", потом к какому-либо "в-чем дело", а последнее к "с-чем-дело". Эта структура вопросов и есть *мирность* мира. Эта структура мира есть *значимость*, в которой Присутствие может схватить *на-значение* отсыланий, где каждое отсылание *на-значает* следующее (С.87). Хайдеггер дает такую дефиницию феномена мира: «*В-чем себя-отсылающего понимания как в-видах-чего допущения сущему встретиться бытийным способом именья-дела есть феномен мира*» (С.86). При переводе на "человеческий" язык это означает: феномен мира – это то, как Присутствие понимает *в-чем* сущее встречается. Хайдеггер не говорит, что есть мир, он говорит, как мир может быть доступен, как он являет себя Присутствию. Поэтому мир есть такое состояние Присутствия (его экзистенциал), *в-чем* (в каких отсыланиях) Присутствие уже себя понимает и *в-видах-чего* (в каком направлении) оно заранее допускает возможность встречи сущего как внутримирного средства.

Мирность мира обнаруживает себя в способности Присутствия допускать быть сущее в определенных связях и отношениях. Значит ли это, что мир субъективен? Нет. Мы знаем мир через свои отношения с ним, но эта "релятивная система" (система отношений) как конститутив мирности не ликвидирует (Хайдеггер говорит «не испаряет») бытие внутримирно подручного, более того, только на ее основе возможно открытие "субстанциональности" сущего, что и делает наука (С.88). Так и мир социальный, хотя он и конституируется на основе устанавливаемых действующим человеком отношений, но имеет объективный порядок, так как сам человек и его действия существуют внутри мира.

из того...), что уже есть порядок, что уже *обстоятельства* дела сложились, и необходимо действовать, сообразуясь с ними. Тем самым эти обстоятельства и их порядок, система отсыланий и смыслов утверждаются действиями человека. Парадокс социального порядка (а вместе с тем и социальной закономерности) заключается в том, что, действуя *как будто* порядок уже есть и требует своего соблюдения, действующий индивид тем самым делает порядок действительным, соблюдает его. Социальный мир не может существовать, если такого исходного начала, такого априористического перфекта (формы свершения *a priori*) в структуре действия человека нет. Такова онтологическая характеристика человеческого действия, таков априорный закон деятельности, который несет в себе возможность онтического порядка (конкретной законосообразности, доступной научному познанию) человеческого бытия.

§ 8.3. Безусловные законы в человеческом бытии

Социальные законы условий вписывают деятельность в сложившийся порядок, это законы повторения, которые стабилизируют социальную действительность. Но, во-первых, как уже отмечалось, их проявление обнаруживается только в активности действующего индивида, и значит, индивид должен начать действовать *независимо* от требований подобных законов. Поэтому наличие только законов условий недостаточно для существования социальной действительности. Необходима еще сила, активизирующая действия человека спонтанно. Во-вторых, и это наиболее существенно, законы условий не детерминируют изменений социальной действительности. Чтобы произошли изменения, должно случиться нечто, выходящее за границы сложившихся ситуаций, следовательно, это нечто не может быть порождено существующими условиями, должно быть *независимо* от них. Значит, должна быть сила, выводящая человека за пределы ситуации и действующая вопреки сложившимся условиям. Что это за сила? Это сила цели.

Цель входит в структуру деятельности и определяется субъектом действия. По меткому замечанию И. Канта, цель есть отрицательное определение ситуации, т.е. цель возникает тогда, когда субъект действия не удовлетворен существующей ситуацией и стремится выйти из нее. Цель выводит человека за пределы личного, относит его к тому, что здесь-и-сейчас не существует, но должно появиться, тем самым ставит его в ситуацию смысла и открывает ему бытие социального (§ 3). Поэтому осмыслять цель – значит открывать для себя бытие своего мира, стоять в просвете бытия, если воспользоваться выражением М. Хайдеггера¹⁸. Эта формула немецкого философа очень выразительна, она указывает на самое существо самостоятельного действия человека, который, ставя цель, действует в свете необходимого бытия. Быть в просвете бытия означает быть захваченным его светом, переживать его нудительную силу как силу должествования, если воспользоваться теперь выражением М. Бахтина¹⁹.

¹⁸ Разрабатывая аналитику Dasein (Присутствия) в трактате «Бытие и время», М. Хайдеггер показывает, что суть существования Dasein, суть экзистенций заключается в различении сущего и бытия, в обнаружении бытия сущего, в раскрытии бытия. Это раскрытие бытия есть, по Хайдеггеру, открытие истины бытия, понимание бытия как несокрытости. Но бытие не является чем-то предметным, чем-то, что может быть доступно как сущее, оно всегда не завершено, не закончено, оно, скорее, вопрос, чем ответ, оно возможность, а не действительность, что и дает основание сказать Хайдеггеру, что оно всегда открывается человеку только как *просвет*. Поэтому Dasein (Присутствие), existing, оказывается в просвете бытия, всегда нацелено на его понимание, но вряд ли может сказать, что когда-нибудь постигнет весь его смысл.

¹⁹ В своем черновом наброске, получившем название «К философии поступка», который был написан М.М. Бахтиным в 1921-1924 годах, отечественный мыслитель почти за 5-7 лет до выхода в свет «Бытия и времени» высказывает сходные с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера идеи. В частности, Бахтин вводит понятие единственное бытие-событие, которым описывается то подлинное бытие, которое реально есть и которое открывается только изнутри действительного поступка, действия человека. Единое и единственное бытие-событие, мир как событие – это всегда мир, который дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный, пишет Бахтин (см. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984-1985. М., 1986. С.124). Человек всегда занимает в бытии единственное, неповторимое, незаменимое и непроницаемое для других место и не может этого избежать. «Единственность наличия бытия – нудительно обязательна», - утверждает Бахтин (Там же. С.112).

Нудительная сила открывающегося бытия вводит действующего человека в область действия особых законов социального мира – законов цели. Законы цели раскрывают онтологическую ответственность действия человека. Они детерминируют активность действующего человека, и эта детерминация идет в двух направлениях, в одном случае они ориентируют индивида на признание действительности, в другом – на преодоление ее.

В первом случае цель обнаруживает онтологическую природу долженствования действия человека. Когда действующий индивид определяет цель своего действия, он выстраивает деятельность как единое и целостное событие. Деятельность, детерминируемая *causa finalis* (целевой, конечной причиной), открывает деятелю бытие как событие. Бытие перестает быть бытием абстрактных определений, порядок которого поддерживается законами условий, а становится единым и единственным бытием-событием, порядок которого зависит от действия человека, причем действия *этого* человека *здесь-и-теперь*. Такое действие есть всегда личностное действие, *мое*²⁰ действие. Факт моей причастности к единому бытию-событию не может быть адекватно выражен в теоретических терминах, а лишь описан и пережит в экзистенциальных понятиях.

Таким исходным понятием выступает экзистенциальное понятие *моего не-алиби в бытии*, которое вводит М. Бахтин. То, что мною может быть совершено, никем никогда совершено быть не может. Этот факт *не-алиби в бытии* не узнается и не познается, а признается и утверждается поступком, действием. Мое не-алиби в бытии гарантирует наличие единой единственности мира, в котором свершается поступок. В последнем соединяется моя единственность (никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не

²⁰ Употребление термина «мое действие» указывает не на человека «имярек», а на такое действие, которое требует первого лица и совершается им. Законы деятельности уровня средств безличны, а законы уровня целей, хотя они и законы, т.е. универсальны, в своем исполнении всегда личностны.

находится) и единственность мира, которому я в этот момент и в этом пространстве сопричастен. Мое не-алиби в бытии нудительно: я не могу избавиться от себя, от своего места в мире и этого мира, я *должен* принять это, я должен признать долженствование.

Так через *causa finalis* в человеческий мир входит закон долженствования. Долженствование не имеет определенного и специального содержания, нет ни научного, ни эстетического, ни какого прочего долженствования, нет и специально этического долженствования. Долженствование, как справедливо считает М. Бахтин, есть категория индивидуального поступка, даже более того, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаместимости, единственной «нудительности», его историчности. Долженствование как проявление действия и действующего субъекта входит в их структуру, оно заключается в онтологической обязанности индивида реализовать свою единственность. Его нельзя познать, но его, долженствование, можно признать, открыть как факт своей жизни. Не конкретное содержание чего-либо (нормы, закона, положения и т.п.) обязывает, а действительный факт признания и утверждения своего не-алиби в бытии. А это эмпирически проявляется в способности человека определить и принять цель действия.

Таким образом, может быть разрешена одна из тайн, которая поражала воображение великого Канта, – тайна наличия нравственного закона в душе человека: нравственный закон, по Канту, закон долга есть способ явления для индивида его единственного места в бытии, его единственности. И чем больше развиты в нем эта единственность и индивидуальность, тем больше выявляются для него долженствование и его ответственность за бытие мира.

Итак, долженствование есть закон бытия человеческого мира. Само действие этого закона не зависит от конкретного содержания деятельности и конкретной ситуации, долженствова-

ние характеризует форму существования индивидуальности в мире индивидуальных событий. Поэтому прав был Кант, относя нравственный закон к априорным требованиям практического разума – долженствование безусловно, оно не определено никаким содержанием, оно формально, оно само является условием появления любого содержания в социальной действительности. Так обнаруживается существование совершенно особых законов социального мира – законов безусловных, законов, действующих независимо от ситуации. Такими законами и выступают законы уровня целей, детерминирующие отношение деятеля к условиям деятельности.

К такому типу социальных законов относятся нравственные законы. Действие нравственных законов развивает другую сторону онтологической природы цели. Если через объединение различных средств деятельности *causa finalis* раскрывала смысл долженствования (каждый фрагмент средств должен быть увязан с целым), то благодаря сопряжению в цели бытия и небытия (цель выступает отрицательным определением ситуации) *causa finalis* ставит человека в ситуацию оценки. Целеполагание вводит человека в дискретный мир, так как разделяет действительность на то, что есть, и на то, что не есть, но должно настать. Ориентация в дискретном мире, т.е. в мире, в котором онтологически присутствует небытие, эту дискретность утверждающее, с необходимостью порождает различное отношение к дифференцированному бытию. Это различное отношение выражается в появлении оценки. Знание характеризует сущее и его бытие, а оценка характеризует бытие сущего в горизонте его небытия – если его нет, но требуется его появление, сущее оценивается положительно, а если оно есть, но требуется его устранение, сущее оценивается отрицательно. Оценка побуждает к деятельности, так появляется детерминация деятельности оценкой. На этой онтологической основе в культуре появляются и закрепляются фундаментальные законы человеческого мира – нравственные законы.

Как всякие законы они утверждают определенный порядок. Этот порядок утверждается тем, что, оценивая поведение человека, они требуют такого поведения, которое необходимо в сообществе. Причем они требуют такого поведения независимо от того, есть для этого условия или нет (например, отступление от морального требования «Не кради!» не может быть оправдано никакими ссылками на трудные обстоятельства жизни и т.д.). Более того, нравственные законы не перестают действовать даже тогда, когда их нарушают. От того, что люди постоянно убивают друг друга, лгут, вредят друг другу, такие нравственные максимы, как «Не убий!», «Не лги!», «Помогайте друг другу!», не перестают быть нравственными законами. Никакой закон условий не сохранится как закон, если при наличии данных условий не будет наблюдаться необходимое следствие. Но безусловные законы потому и безусловные, что они действуют всегда.

Они выступают абсолютным основанием оценки людей, вещей, действий, ситуаций. Конечно, нравы людей разных сообществ и исторических эпох различаются – правила поведения, обычаи и формы действия относительны. Но каждая относительная система оценок существует для себя как абсолютная, иначе оценка перестает быть оценкой. Абсолютность является формой существования оценки и условием ее действия. Именно это позволяет законам, основанным на оценках, быть законами безусловными. Возможно, что кроме конструктивистского основания абсолютность имеет и содержательные основания для своего существования, которые коренятся в универсальных особенностях жизнедеятельности человека. Это дает возможность, несмотря на всю относительность оценок, людям разных культур и эпох понимать друг друга, соотносить свои оценки, иметь сходные принципы, определяющие начала действия человека.

Безусловные законы выступают объективными требованиями по отношению как к конкретному индивиду, так и к сооб-

ществу. Это и позволяет быть им подлинными хранителями порядка человеческого мира. Тогда, когда рушится нормальное состояние общественной жизни, когда распадаются устоявшиеся связи и отношения, когда наступает «смутное время» в истории (время, столь привычное для российской истории), то выход из ситуации общественного хаоса один – действовать вопреки обстоятельствам. Не ждать установления порядка, чтобы порядочно поступать, а достойно и порядочно вести себя, чтобы порядочность и достойная человека жизнь установились.

§ 8.4. Свобода и закон в человеческом бытии

Безусловные законы детерминируют начало деятельности индивида. И поскольку они не вытекают из ситуации, то деятельность, ориентируемая ими, является свободной. Поэтому безусловные законы (или законы уровня цели) есть законы свободы, законы свободных действий, законы творческой (инновационной) деятельности. Именно в этой сфере – сфере свободы и творчества – безусловный характер законов уровня целей обнаруживается с непосредственной очевидностью.

Время социального мира дискретно, оно складывается из «отрезков», которые не вытекают друг из друга. Каждая точка жизни индивида или сообщества характеризуется своим наполнением, и это наполнение жизни не связано обязательным следованием из прошлого. Реальным проявлением дискретности времени человеческого мира является ситуация «вдруг», без которой бытие человека помыслить нельзя. «Вдруг» есть момент свободного явления такого бытия, которое в себе содержит (или само впервые устанавливает) причины своего объявления. Дискретность времени предполагает реальность небытия. Именно небытие «дробит» человеческий мир. Значит, чтобы что-то *было*, оно должно постоянно *возникать из небытия*, должно состояться постоянно длящееся творение (§ 3). Но может ли постоянное творение, то есть постоянные инновации, гарантировать порядок? Как могут сочетаться свобода деяния че-

ловека и законосообразность? Эти вопросы постоянно возникали в философии.

Эта связь свободы (свободного, творческого действия человека) и законосообразности проявляется в двух аспектах.

Во-первых, свобода возможна только там, где мир заполнен причинными связями. Кант разводил мир причинно-следственных связей как мир природы и мир свободы как мир истории, но в то же время он показал, что свобода возможна именно потому, что она дает начало новому ряду причин и следствий. Если этого нет, то всякое свободное действие невозможно, потому что оно пропадет в хаосе. Свобода не потому связана с необходимостью, что она есть «познанная необходимость», ибо тогда нет свободы, а есть только разные виды необходимости – непознанная и познанная, а потому, что она предполагает установление того порядка, который творческий порождает, значит, она предполагает наличие порядка. Если есть свобода, значит, есть (должен быть) законосообразный порядок, иначе ее бы просто не было.

Во-вторых, хотя на уровне творения, или свободного решения и действия, нет законов, но законы (правила, порядок) появляются благодаря творению и свободе. Свобода и творение дают закон и порядок человеческому миру. Творение или свобода не определяются *ничем*, кроме самих себя, т.е. у них только одно основание – небытие. Творение должно прозреть небытие, чтобы заполнить его своим произведением. Бытие основано на необходимости, поэтому оно порождает только действия предсказуемые, небытие же обнаруживает себя только в беспокойстве, в активности, в оценке, поэтому оно становится началом нового действия. Небытие нельзя помыслить, так как мысль тождественна бытию, но из него можно выйти к мысли, оценке, идее. И это видно по структуре действия-творения.

Вспомним Библейскую книгу «Бытия», где описаны акты творения мира Богом: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1, 3-5). Вот структура действия Бога: сначала воление «Да будет!», результатом которого оказывается определенное бытие – свет, затем оценка – он хорош, и потом именование нового бытия – «день» и «ночь». Бог не творил свет, потому что так хорошо, а хорошо потому, что Он так сделал. И теперь есть порядок. По этой модели построены все дни творения.

Закон и порядок появляются в результате творения, после его свершения. Бог решил – «Да будет!», и стало *то*, с чем не может не считаться даже Бог. И каждый шаг его последующего творения учитывает предыдущий. Так и в жизни человека, общества и культуры. История человеческая, история культуры движутся именно по этому принципу – принципу прецедента. Нечто свершилось благодаря творческому усилию человека, и *теперь* оно стало фактом, определяющим поведение, более того, *теперь* мы выводим его необходимость в истории. Так, например, В.Г. Белинский в своих «Статьях о Пушкине» выводит необходимость творчества Пушкина из предшествующей истории русской словесности. Но кто мог бы *до* появления Пушкина вывести (вычислить) его из Державина, Жуковского и других? Только какой-нибудь Нострадамус, да и то все его предсказания свершаются (становятся предсказаниями) только тогда, когда нечто, что совершилось, дает повод для этого. Поэтому Боги и Гении узнаются (и признаются), когда они уходят, а не приходят. Понимание этого фундаментального факта человеческого мира М.К. Мамардашвили называет метафизикой

*апостериори*²¹. Если метафизика призвана найти последние и неизменные основания бытия, то метафизика человеческого бытия находит их в самом факте рождения такого бытия. Но для этого сначала бытие должно народиться. Правда, само это «народнение» есть метафизическое основание человеческого бытия, но, чтобы раскрыть его как основание, метафизика должна сказать о небытии как последнем основании «народнения», а небытие узнается только *после* того, как оно заместилось бытием, как нечто свершилось. Это и становится метафизическим *апостериори*.

Законы свободы или законы творения не могут быть сформулированы как условия, вызывающие свободу или творчество, но они указывают на условия их совершения. Для свободы таким условием является ответственность за результаты деяния. Для творчества – это верность своему призванию и утверждение языка инноваций. И в том, и в другом случае индивид берет на себя ответственность за бытие тех конкретных ситуаций, конкретных событий, виновником которых он выступает. Поэтому свобода и творение действуют как метафизические, но одновременно и как эмпирические регуляторы порядка в человеческом мире. Свобода и творчество являются достоянием конкретной индивидуальности, они выступают формой проявления ее в действительности и тем

²¹ См. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления (январь 1981) / Под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993. С.46-49. Метафизика обычно, замечает Мамардашвили, занимается тем, что располагается на уровне *априори*, в этом же случае, когда метафизика выявляет последние основания человеческого мира, она обращается к эмпирической действительности. Эти основания должны быть найдены в действительности, которая эмпирически разнообразна, но они не должны быть эмпирическими по своему содержанию. Так и рождается метафизическое *апостериори*. Это понятие Мамардашвили родственно понятию *априористического перфекта* Хайдеггера (§ 8.3) – и там и здесь речь идет об *априорном*, но уже свершившемся. Только немецкий философ употребляет термин *априорный* в сочетании с понятием уже свершенного (*перфект*), которое не должно относиться к уровню *a priori*, в отечественный философ соединяет термин *апостериори* (данное в опыте, совершенное) с понятием метафизика, которая занимается сущностями, определяющими бытие, т.е. *априорными*.

самым способом вхождения («впечатывания») личностного начала в социальный мир. Способность индивида заражать своими действиями других и утверждать тем самым порядок социальной действительности М. Вебер назвал харизмой.

Таким образом, упорядоченность и организованность социального мира, который выстраивается как мир событий и действий конкретных индивидов, достигаются действием двух типов закономерностей: законов, организующих отношения в сфере средств деятельности, или законов условий, которые отвечают за повторяемость и воспроизводство ситуаций жизни и отношений между людьми, и законов, непосредственно организующих поведение человека, или законов безусловных, которые побуждают человека к определенным поступкам «изнутри». Именно благодаря действию безусловных законов индивид становится микрокосмом человеческого космоса, последний же не распадается, а приобретает возможности развития.

§ 9

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА

Анализ характеристик социальной действительности показывает, что все они указывают на главную онтологическую особенность человеческого мира – его принципиальную амбивалентность. Любой феномен этого мира двойственен, он предстает как конкретное сущее – как вещь, как тело, как движения тела и одновременно как смысл – как представление другой вещи, других тел, как система действий людей. Его способ бытия и есть этот постоянный переход, постоянный трансцезус, постоянное отсылание к иному, движение от сущего к не-сущему. Такое «мерцающее» бытие есть особое бытие, оно есть «Да», которое «Нет», и «Нет», которое «Да», такое бытие греки называли ме-

он²². Человек есть «тело», но и «душа», поступок – конкретные движения и нравственное содержание, товар – материал и стоимость, знак – знаковая форма и значение. И нельзя признать то или другое в каждом конкретном случае феноменом человеческого мира. Любой феномен этого мира, как мифический Янус, имеет два лица, но социальный Янус не просто двуликое существо, у которого каждое лицо смотрит в свою сторону, у него каждое лицо, смотря в свою сторону, видит другую – противоположную. Поэтому феномен социального мира раскрывает себя только тогда, когда обе его половинки держатся вместе. Это держание обеспечивает человеческое деяние.

Оно само как феномен социального мира несет в себе ту же амбивалентность. Ибо действие – это, с одной стороны, движения человеческого тела и перемещение вещей в физическом пространстве, но, с другой – это такие движения и перемещения, которые преобразованы временем в целостность свершающегося события, где каждый фрагмент и все целое имеют смысл. И здесь обнаруживается кардинальная онтологическая странность социального мира – чтобы существовали социальные феномены, должна существовать деятельность, которая сама является таким же социальным феноменом и состоит из них же. Чтобы существовал смысл (отнесение одного к другому), должна существовать осмысленная деятельность, организующая эти отнесения. В основе онтологии человеческого мира лежит онтологическая тавтология²³: основанием бытия этого

²² Мeon от греч. μη ον – буквально не-сущее (не-бытие). Но в древнегреческом отрицательная частица μη отличалась от другой отрицательной частицы ουκ тем, что если вторая была полным отрицанием, то первая была отрицанием не полным, а несла в себе и смысл сохранения отрицаемого. Поэтому «меон» можно было бы понять как «не-это-сущее», или «бытие-как-не-это-сущее».

²³ М.К. Мамардашвили говорит об онтологических уравнениях, плодотворных тавтологиях, эквиваленциях. «Одним из таких уравнений является утверждение: "Ego cogito, ego sum" ("Я мыслю, я есть")... Это не силлогизм, потому что для превращения его в силлогизм понадобилось бы дополнительное утверждение, что для того, чтобы мыслить, нужно существовать». К таким же онтологическим уравнениям относятся утверждения, что есть Бог, что есть добро, совесть и т.п. (См. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. С. 50-52).

мира является сам этот мир, основанием деяния является само деяние, основанием Я является само Я и т.п. Истоком онтологической странности социального мира является та роль в существовании этого мира, которую играет небытие: смысл возникает благодаря небытию (§ 3), индивидуальность существует на основе отрицания (§ 8.1), безусловные законы действуют вопреки ситуации (§ 8.3) и т.д. Но если небытие причиняет действие, тогда у действия нет никакой причины, кроме себя, и деянию человека не остается ничего другого как, подобно барону Мюнхаузену, который вытягивал себя за волосы из болота, находить внутри себя силы для утверждения себя.

Онтологическая тавтология пронизывает все человеческое бытие, благодаря этой онтологии вырастает все здание общества – никто кроме самого общества его не возводит, благодаря ей любой феномен человеческого мира, хотя и вписан в общую систему, имеет свою автономию, действие тавтологии может быть обнаружено в каждой клеточке человеческого существования. И только благодаря онтологическому уравнению возможна максима: «Я сам решаю! Я хозяин своей судьбы!».

Человек бытийствует в мире ценностного бытия, а ценности требуют оценки и переживания.

Только человек способен к этому, ибо «Кто не знает, что совесть значит / И зачем существует она» (А. Ахматова).

Содержание

§ 1. ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	3
§ 2. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР И МИР ПРИРОДНЫЙ.....	8
§ 3. СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ СМЫСЛА.....	10
§ 4. РАЗЛИЧИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА	13
§ 5. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОСОБЕННОСТЬ МИРА ЧЕЛОВЕКА	16
§ 5.1. Виды социального пространства	19
§ 6. ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА.....	22
§ 6.1. Время и событие.....	24
§ 6.2. Ипостаси времени	26
§ 6.3. Время и ценность	27
§ 7. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МИРЕ	32
§ 7.1. Продукты и произведения в человеческом мире	34
§ 7.2. Индивидуальность человека и мир человека	38
§ 8. ОТНОШЕНИЕ СУЩЕГО К УСЛОВИЯМ СУЩЕСТВОВАНИЯ.....	41
§ 8.1. Деятели координаты	46
§ 8.2. Законы условий в человеческом бытии	50
§ 8.3. Безусловные законы в человеческом бытии.....	57
§ 8.4. Свобода и закон в человеческом бытия	63
§ 9. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА	67